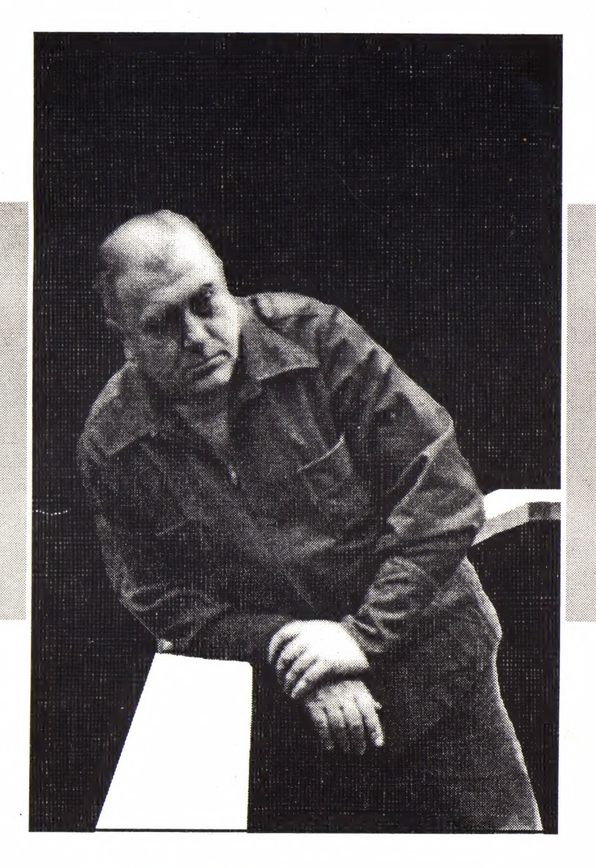
Михаил
АНЧАРОВ

«НИ О ЧЁМ СУДЬБУ НЕ МОЛЮ...»

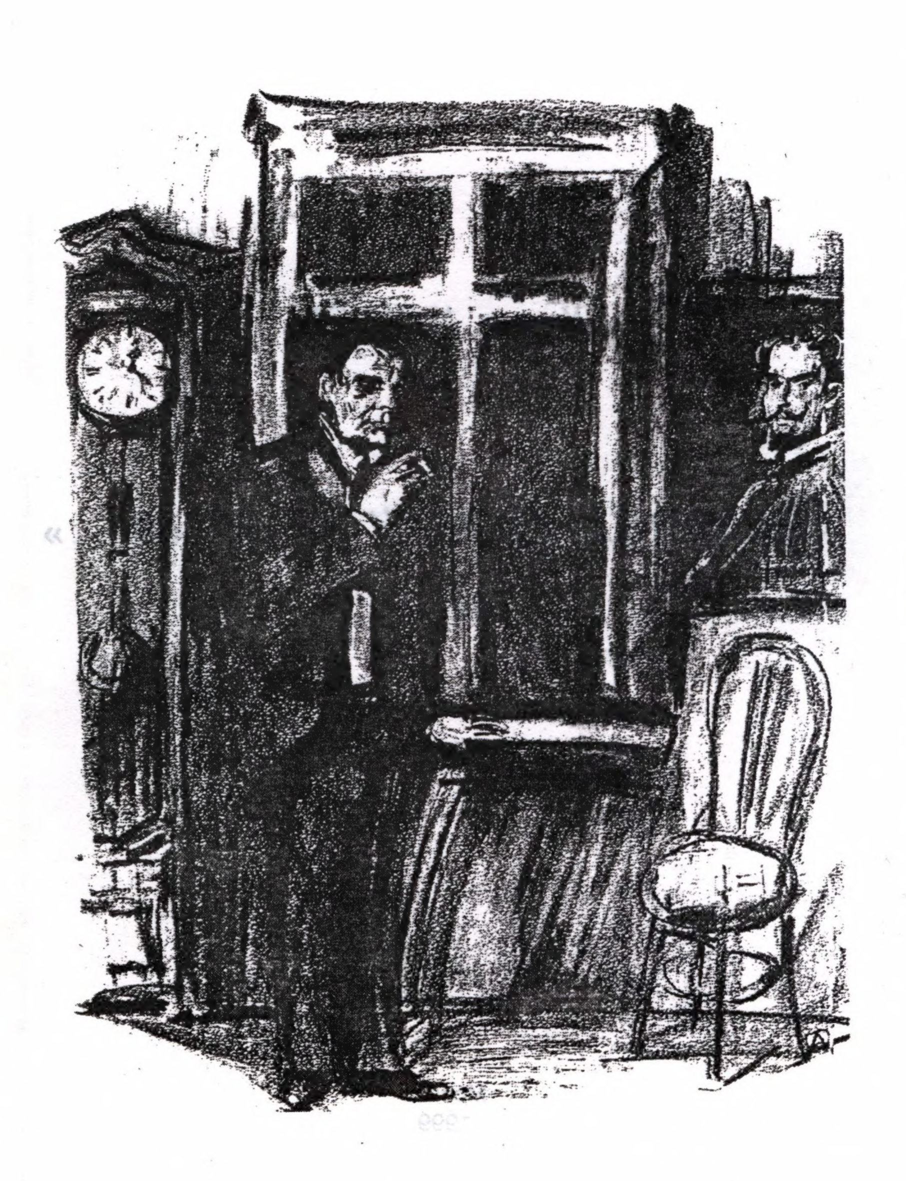

Авторская
Песня

Михаил АНЧАРОВ

«НИ О ЧЁМ СУДЬБУ НЕ МОЛЮ...»

Стихи и песни

Москва
1999

МИХАИЛ АНЧАРОВ

***Михаил Леонидович Анчаров** (1923-1990) имеет веские основания считаться одним из родоначальников авторской песни. Ещё до войны он начал сочинять песни на свои стихи, а также на стихи А.Грина, Б.Корнилова, В.Инбер. Воевал, награждён боевым орденом. Окончил Военный институт иностранных языков и Московский художественный институт имени Сурикова. Дебютировав в 1964 году рассказом «Венский вальс», Анчаров вскоре стал известным прозаиком, автором романов «Теория невероятности», «Этот синий апрель», «Самшитовый лес», «Дорога через хаос», повестей «Содасолнце», «Золотой дождь», «Страстной бульвар». Проза Анчарова отмечена сочетанием острого психологизма с фантастическим элементом. Писателя всегда занимала проблема внутренних возможностей человека, которую он стремился осмыслить в глобально-философском плане. Подобными раздумьями проникнуты и многие песни Анчарова, не случайно они часто оказывались вплетёнными в ткань его прозаических произведений.*

Максимальная активность Анчарова как барда приходится на вторую половину пятидесятых — первую половину шестидесятых годов. Это время так называемой «оттепели», либеральных надежд и мечтаний интеллигенции. Романтико-утопический порыв ощутим во многих анчаровских песнях, однако и сегодня они сохранили поэтическую значимость, отнюдь не только как памятник наивно-идеалистической эпохе. Дело в том, что пафос Анчарова сориентирован на вечные духовные и нравственные ценности: мужество, самоотверженность, стремление личности к полной самореализации.

Анчаров умел сочетать философичность с предельной эмоциональной простотой. Вот, к примеру, «Кап-кап» — текст, появившийся на страницах романа «Теория невероятности» как песня одного из персонажей — Памфилия; эту песню в одном из своих спектаклей исполнял Аркадий Райкин. Очень простые слова, сквозная незамысловатая рифма и совсем уж элементарный рефрен. Но такая простота отвечает самой теме — раздумью о прошедших годах, о неумолимо надвигающейся старости. Здесь есть какая-то неуловимая магия, щемящий психологический подтекст: такими словами о себе говорят как раз те люди, жизнь которых значительна и духовно наполнена. Это вам не эстрадно-ресторанное «Мои года — моё богатство». Подлинные душевные сокровища не выставляются напоказ.

У Анчарова мы наблюдаем не столько драматургию сюжета, сколько драматургию «чувствуемой мысли» (говоря словами Маяковского). И адекватную ей — драматургию слова. «Штрафные батальоны— // Кто вам заплатит штраф?!»— задаёт автор вопрос в финале песни «Цыган Маша», смело и честно пересматривая смысл самого выражения «штрафной батальон». А вот берёт Анчаров фразеологическое выражение «ноги бы оторвать» и совершенно парадоксальным образом использует его в «Песне про низкорослого человека...». Название вроде бы игровое, нарочито длинное. Но по ходу монолога персонажа мы узнаём трагическую причину его малого роста: это инвалид, искалеченный в боях. Завершающее двустишие «Кто придумал войну, // Ноги б тому оторвать!» звучит с неподдельной человеческой болью и чрезвычайной эмоциональной действенностью, гораздо сильнее декларативных выступлений против войны.

Для Анчарова не существовало «маленьких» людей — об этом принципиальная для него «Песня про органиста...». Величие человека— не в следовании авторитетным образцам, не в погоне за славой, а в полноте самоотдачи, в верности выбранному пути.

Анчаров оказал несомненное влияние на творчество Владимира Высоцкого, которому молва порою приписывала некоторые анчаровские песни. Связь прослеживается здесь и на уровне сюжетных мотивов (тема штрафных батальонов), и на уровне характеров («МАЗ» Анчарова и «Дорожная история» Высоцкого), и на уровне эмоционально-ритмическом («Она была во всём права» у Анчарова — «Она на двор, он со двора» у Высоцкого), и, конечно, в словесном остроумии.

Песенно-поэтическое наследие Анчарова представлено в его сборнике «Звук шагов» (1992).

В предисловии к своей прозаической книге «Приглашение на праздник» (1986) Анчаров писал: «Я не верю в бездарных людей. Все люди одарены жизнью. И перед этим невероятным фактом всё остальное— мелочь и подробности. И если я хочу заниматься искусством, а я всегда этого хотел, сколько себя помню, то я должен исходить из этого непреложного факта всеобщей одарённости». Эти слова точно передают главный смысл поэзии Анчарова, они с необычайной дерзостью звучат в наше прагматичное, неромантическое время. Думается, такие настроения, такой тип жизненного и творческого поведения имеют определённые перспективы в двадцать первом веке и третьем тысячелетии.

Владимир Новиков

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СТИХИ И ПЕСНИ

НЕ ШУМИ, ОКЕАН, НЕ ПУГАЙ

Не шуми, океан, не пугай —
Нас земля испугала давно.
В тёплый край, в южный край
Приплывём мы всё равно.

С детства шхуна, и клипер, и стройный фрегат
На волне колыхали меня.
Я родня океану: он старший мой брат,
И игрушки мои — русленя!

Южный Крест нам сияет вдали.
С первым ветром проснётся компáс.
Бог, храня корабли,
Да помилует нас!

С детства шхуна, и клипер, и стройный фрегат
На волне колыхали меня.
Я родня океану: он старший мой брат,
И игрушки мои — русленя!

Ты, земля, стала твердью пустой.
Рана в сердце... Седею... Прости!
Это твой след такой.
Ну — прощай и пусти!

С детства шхуна, и клипер, и стройный фрегат
На волне колыхали меня.
Я родня океану: он старший мой брат,
И игрушки мои — русленя!

1937

По мотивам стихов из рассказов Александра Грина.

ПЕСЕНКА О МОЁМ ДРУГЕ-ХУДОЖНИКЕ

Юрию Ракино

Он был боксёром и певцом —
Весёлая гроза.
Ему роднёй был Пикассо,
Кандинский и Сезанн.

Он шёл с подругой на пари,
Что через пару лет
Достанет литер на Париж
И в Лувр возьмёт билет.

Но рыцарь-пёс, поднявши рог,
Тревогу протрубил,
Крестами чёрными тревог
Глаза домов забил.

И, предавая нас «гостям»,
Льёт свет луна сама,
И бомбы падают свистя
В родильные дома.

Тогда он в сторону кладёт
Любимые тома,
Меняет кисть на пулемёт,
Перо — на автомат.

А у подруги на глазах
Бегучая слеза.
Тогда, её в объятья взяв,
Он ласково сказал:

«Смотри, от пуль дрожит земля
На всех своих китах.
Летят приказы из Кремля —
Приказы для атак.

И, прикрывая от песка
Раскосые белки,
Идут алтайские войска,
Сибирские стрелки.

Мечтал я встретить Новый год
В двухтысячном году.
Увидеть Рим, Париж... Но вот
Я на Берлин иду.

А ты не забывай о тех
Любви счастливых днях.
И если я не долетел —
Заменит друг меня».

Поцеловал ещё разок
Любимые глаза,
Потом шагнул через порог,
Не посмотрев назад.

...И если весть о смерти мне
Дойдёт, сказать могу:
Он сыном был родной стране,
Он нёс беду врагу.

1941

ПЫХОМ КЛУ́БИТ ПАР ПАРОХОД-МАЛЕЦ

Пыхом клу́бит пар пароход-малец,
Волны вбег бегут от колёс.
На сто тысяч вёрст небеса да лес,
Да с версту подо мной откос.

Прёт звериный дух от лесных застрех,
Где-то рядом гудит гроза.
Дует в спину мне ветерок-пострел,
Заметая пути назад.

Надоело мне у чужих око́н
Счастья ждать под чужой мотив.
Тошно, зная жизнь с четырёх сторон,
По окольным путям идти.

К чёрту всех мужей! — всухомятку жить.
Я любовником на игру
Выхожу, ножом расписав межи:
Всё равно мне — что пан, что труп.

Я смеюсь — ха-ха! — над своей судьбой,
Я плюю на свою печаль.
Эй, судьба! Ещё разговор с тобой
Вперехлёст поведу сплеча.

Далеко внизу эха хохот смолк —
Там дымучий пучит туман,
Там цветком отцвёл флага алый шёлк:
Пароходик ушёл за лиман.

1942

ПРОЩАЛЬНАЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ

Быстро-быстро донельзя
Дни пройдут как один.
Лягут синие рельсы
От Москвы на Чунцин.

И взмахнёт над перроном
Белокрылый платок,
Поезд в ветре солёном
Уплывёт на восток.

Закричат переклички
Паровозовых встреч,
Зазвучит непривычно
Иностранная речь.

Заворчит, заворкует
Колесо на весу...
Лепесток поцелуя
Я с собой увезу.

Будет сердце двоиться:
Много вздохов подряд
Меж восторгом границы
И уклоном утрат.

И границу в ночи я
Перечувствую вновь,
За которой Россия,
За которой любовь...

1942

По мотивам стихов Веры Инбер.

В ПОЕЗДНОМ КАРАУЛЕ (ПРОЩАНИЕ С МОСКВОЙ)

Буфер бьётся пятаком зелёным,
Дрожью тянут дальние пути.
Завывают в поле эшелоны,
Мимоходом сердце прихватив.

Паровоз листает километры,
Соль в глазах несытою тоской.
Вянет год, и выпивохи-ветры
Осень носят в парках за Москвой.

Быть беде, да, видно, захотелось,
Чтоб в сердечной бешеной зиме
Мне дрожать мечтою обалделой
От тебя за тридевять земель.

Душу продал за бульвар осенний,
За трамвайный гулкий ветерок.
Ох вы сени, сени мои, сени,
Тоскливая радость горлу поперёк.

В окна плещут бойкие зарницы,
И, мазнув мукой по облакам,
Сытым задом медленно садится
Лунный блин на острие штыка...

<1942-1943>

* * *

Рыжим морем на зелёных ска́мьях
Ляжет осень, всхлипнув под ногой.
Осень вспомнит: я пришёл, тот самый,
Что когда-то звался «дорого́й».

У реки далёкая дорога,
У меня ж пути недалеки:
От меня до твоего порога
И обратно до Москвы-реки.

В городах, как на больших вокзалах,
По часам уходят поезда.
Отчего ты раньше не сказала,
Что я на два года опоздал?

Не писал я писем после боя,
Оттого что не хватало сил,
Но любовь твою я за собою
Через Дон в зубах переносил.

Не всему услышанному верь ты,
Если скажут: битва — пустяки,
Что солдат не думает о смерти,
Перед тем как броситься в штыки.

Скоро вновь на площадях разбитых
Городами встанут этажи.
Вот до этих солнечных событий
Мне, солдату, хочется дожить.

<1942-1943>

В соавторстве с Владимиром Туркиным.

КУРАНТЫ

Там в болотах кричат царевны,
Старых сказок полёт-игра.
Перелески там да деревни
Переминаются на буграх.

Там есть дом... Я всю ночь, ленивый,
Проторчу напролёт в окне...
Мне играют часы мотивы,
Герцог хмурится на стене.

Дунет ветер, запахнут травы.
Выйдет месяц часок спустя.
Мне забыть бы тебя, отраву,
Как ненужное, как пустяк.

Дымный смех позовёт. Куда там!
Он туза прилепит к спине,
Он вернуться велит солдату,
Под седую пройдёт шинель.

До меня все слова испеты,
Было всё — куда ни ступи.
Достаёт попугай билетик —
Мне талант об жизнь иступить.

Душит крик мой безродный, волчий
Тишиною лукавый дом.
Своры туч набегают молча.
Пухнут тучи, бегут с трудом.

Мне куранты конец сыграли.
Ворон кличет мою беду.
Ткут печаль в полутёмном зале
Капли вальса да старый Дюк.

1943

СОРОК ПЕРВЫЙ

Сорок медведей убивает охотник,
а сорок первый — убивает охотника.
(Сибирская примета)

Я сказал одному прохожему
С папироской «Казбек» во рту,
На вареник лицом похожему
И глазами, как злая ртуть.

Я сказал ему: «На окраине
Где-то, в городе, по пути,
Сердце девичье ждёт хозяина.
Как дорогу к нему найти?»

Посмотрев на меня презрительно
И сквозь зубы цедя слова,
Он сказал:
«Слушай, парень, не приставай к прохожему,
а то недолго и за милиционером сбегать!»

И ушёл он походкой гордою,
От величья глаза мутны.
Уродись я с такою мордою —
Я б надел на неё штаны.

Над Москвою закат сутулится,
Ночь на звёздах скрипит давно.
Жили мы на щербатых улицах,
Но весь мир был у наших ног.

Не унять нам ночами дрожь никак.
И, у книг подсмотрев концы,
Мы по жизни брели — безбожники,
Мушкетёры и сорванцы.

В каждом жил с ветерком повенчанный
Непоседливый человек.
Нас без слёз покидали женщины,
А забыть не могли вовек.

Но в тебе совсем на иной мотив
Тишиной фитилёк горит.
Черти водятся в тихом омуте —
Так пословица говорит.

Не хочу я ночами тесными
Задыхаться и рвать крючок.
Не хочу, чтобы ты за песни мне
В шапку бросила пятачок.

Я засыпан людской порошею,
Я мечусь из краёв в края.
Эй, смотри, пропаду, хорошая,
Недогадливая моя!

<1943>

* * *

Тяжело ли, строго ли —
Только не таи:
Чьи ладони трогали
Волосы твои?

Холодно ли, жарко ли
Было вам двоим?
Чьи подошвы шаркали
Под окном твоим?

Я стоял над омутом,
Шлялся по войне.
Отчего другому ты
Скрыла обо мне?

Ты не знаешь, глупая,
Как у волжских скал
Я ночами грубыми
Губ твоих искал.

Юность — не обойма,
Ласка — не клинок.
Я назло обоим вам
Не был одинок.

Значит, было весело
Вам двоим вдвойне,
Если занавесило
Память обо мне.

1943-1944

В соавторстве с Владимиром Туркиным.

РУСАЛОЧКА

Мне сказала вчера русалочка:
«Я — твоя. Хоть в огонь столкни».
Вздрогнул я. Ну да разве мало чем
Можно девушку полонить?

Пьяным взглядом повёл — и кончено:
Колдовство и гипноз лица.
Но ведь сердце не заколочено,
Но ведь страсть-то — о двух концах.

Вдруг увидел, что в сеть не я поймал,
А что сетью, без дальних слов,
Жизнь нелепую, косолапую
За удачею понесло.

Тихий вечер сочтёт покойников.
Будет схватка в глухом бреду.
Я пробьюсь и приду спокойненько,
Даже вздоха не переведу.

Будет счастье звенеть бокалами,
Будет литься вино рекой,
Будет радость в груди покалывать,
Будет всем на душе легко.

Будут, яро звеня стаканами,
Орденастые до бровей,
Капитаны тосты отчеканивать
О дурной моей голове.

Старый Грин, что мечтой прокуренной
Тьмы порвать не сумел края,
Нам за то, что набедокурили,
Шлёт привет, что любовь моя

На душе в боковом кармане
Неразменным лежит рублём...
Я спешу, я ужасно занят,
Не мешайте мне — я влюблён!

1944

* * *

Не сходим на вокзалах мы
В местечках по пути.
Китайскими базарами
Бродить мы не хотим.

Дымок унылым инеем
Ложится в гаолян,
Летит на сопки синие,
На фанзы и поля.

А мимо города́ летят
И трубами торчат,
Тяжёлые, жандармские,
Литого кирпича.

Детская экзотика,
Таинственный Китай —
Бордели да наркотики,
Вонь да нищета.

Мы жили здесь неделями,
От ярости дрожа.
Мы всё здесь переделали,
Да надо уезжать.

Бежит дорога хмурая,
Чужая сторона.
Маньчжурия, Маньчжурия,
Проклятая страна!

1945-1946

БАЛЛАДА О ПАТРУЛЕ ГОРОДКА НИНАНЬ

На самоохрану двух деревень
Напал неизвестный отряд.
На базаре об этом второй день
Китайцы все говорят.

На базаре об этом в самую рань
Испуганный шепоток...
И выходит патруль из города Нинань
Посмотреть — как и что.

Грязный старик стоит на бугре,
Облик — не боевой.
Кто не видел, как выглядит смертный грех, —
Пусть поглядит на него.

«Китаец с китаец говоли сам...
Луские, уходи». — Это Ма Сишан,
Узна*ю* по усам,
Японский шпик и бандит.

Пыль, пыль! Ах какая жара!
Позабытые Богом края.
Пыль, пыль... Ах какая жара!...
Мама ро́дная, помираю я...

Крови нет. Самый пустяк.
Но темнеет небес бирюза.
Хочется спать, и уже не блестят
Помертвелые глаза...

Вонь, смрад, крики «ура!».
Крик помешает спать.
Васька упал в пыль...
И теперь мухи его едят.

И русский солдат на маньчжурской земле
Немецкий берёт пистолет.
Шесть смертей в обойме, седьмая в стволе —
Бессмертье на тысячу лет.

Подошёл отряд — и бандитская рвань
Побежала со всех сторон,
Боец из комендатуры Нинань
Дострeливает седьмой патрон.

Пока впечатленья ещё свеж*и*,
Годами их не занесло.
Как умею, славлю солдатскую жизнь,
Тяжёлое ремесло.

1945-1946

БАЛЛАДА О МЕЧТАХ

В германской дальней стороне
Увял великий бой.
Бредёт по выжженной стерне
Солдат передовой.
Конец войны. Река, ворча,
Катает голыши.
И трупы синие торчат,
Вцепившись в камыши.

И ветер падалью пропах,
Хитёр и вороват.
И охряные черепа
Смеяться норовят.
Лежит, как тяжкое бревно,
Вонючая жара.
Земля устала — ей давно
Уж отдохнуть пора.

И вот на берегу реки
И на краю земли
Присел солдат. И пауки
Попрятались в пыли.
И прежде чем большие дни
Идти в обратный путь,
Мечта измученная с ним
Присела отдохнуть.

И он увидел, как во сне,
Такую благодать,
Что тем, кто не был на войне,
Вовек не увидать.
Он у ворот. Он здесь. Пора!
Вошёл не горячась.
И все мальчишки со двора
Сбегаются встречать.

Друзья кричат ему: «Привет!» —
И машут из окна,
Глядят на пыльный пистолет,
Глядят на ордена...
Потом он будет целовать
Жену, отца и мать,
Он будет сутки пировать
И трое суток спать.

Потом он вычистит поля
От мусора войны:
Поля, обозами пыля,
О ней забыть должны.
Заставит солнце круглый год
Сиять на небесах,
И лёд растает от забот
На старых полюсах.

Навек покончивши с войной
(И это будет в срок),
Он перепашет шар земной
И вдоль и поперёк,
И вспомнит он, как видел сны
Здесь, у чужой реки,
Как пережил он три войны
Рассудку вопреки.

1946

ВТОРАЯ ПЕСНЯ О МОЁМ ДРУГЕ-ХУДОЖНИКЕ

Что пережил он, то не сможет даже
Изобразить ни слово, ни перо.
Кто на него посмотрит, сразу скажет:
Обстрелян парень вдоль и поперёк.

Ведь он прошёл военную судьбину,
Едва цела осталась голова.
Он прошагал от Вены до Харбина
И всех жаргонов выучил слова.

Когда ж судьба ему грозила смотром
В военных буднях, в жизненном бою,
Тогда судьбе он говорил: «Посмотрим!» —
И пел лихую песенку свою:

«Иду своей дорогой необычной,
Где не пройдут ханжи и старики.
Они живут похлёбкой чечевичной,
А ты мечтай — обидам вопреки.

Чужая слава светит, да не греет.
Ты сам испробуй жизнь со всех сторон.
Не тот храбрец, кто страха не имеет,
А тот, кто страх в себе переборол».

Когда ж мой друг домой к себе вернётся,
Где жизнь давно идёт на старый лад,
Любимый город другу улыбнётся —
Знакомый дом, любимый сад и нежный взгляд.

1946

ПЕСЕНКА О НИЗКОРОСЛОМ ЧЕЛОВЕКЕ, КОТОРЫЙ ОСТАНОВИЛ НОЧЬЮ ДЕВУШКУ У МЕТРО «ЭЛЕКТРОЗАВОДСКАЯ»

Девушка! Эй, постой!
Я человек холостой.
Прохожая! Эй, постой!
Вспомни сорок шестой.

Из госпиталя весной
На перекрёсток пришёл ночной.
Ограбленная войной
Тень за моей спиной.

Влево пойти — сума,
Вправо пойти — тюрьма,
Вдаль уплывают дома...
Можно сойти с ума.

Асфальтовая река
Тёплая, как щека:
Только приляг слегка —
Будешь лежать века.

О времени том — молчок!
Завод устоять помог.
Мне бы только станок —
Выточить пару ног.

Давно утихли бои —
Память о них затаи.
Ноги, ноги мои! —
Мне б одну на троих.

Осенью — стой в грязи,
Зимою — по льду скользи...
Эй, шофёр, тормози!
Домой меня отвези.

Дома, как в детстве, мать
Поднимет меня на кровать...
Кто придумал войну —
Ноги б тому оторвать!

1955,1957

ПЕСНЯ О ПСИХЕ ИЗ БОЛЬНИЦЫ ИМЕНИ ГАННУШКИНА, КОТОРЫЙ НЕ ОТДАВАЛ САНИТАРАМ СВОЮ ПОГРАНИЧНУЮ ФУРАЖКУ

Балалаечку свою
Я со шкапа достаю,
На Канатчиковой даче
Тихо песенку пою.

Солнце скрылось за рекой
За приёмный за покой.
Приходите, санитары, —
Посмотрите, я какой!

Горы лезут в небеса,
Дым в долине поднялся.
Только мне на этой сопке
Жить осталось полчаса.

Скоро влезет на бугор
Диверсант — бандит и вор:
У него патронов много —
Он убьёт меня в упор.

На песчаную межу
Я шнурочек привяжу:
Может, ентою лимонкой
Я бандита уложу.

Пыль садится на висок,
Шрам повис наискосок,
Молодая жизнь уходит
Чёрной струйкою в песок.

Грохот рыжего огня,
Топот чалого коня...
Приходи скорее, доктор!
Может, вылечишь меня...

1955,1957

КАП-КАП

Тихо капает вода,
кап-кап,
Намокают провода,
кап-кап.
За окном моим беда,
Завывают провода.
За окном моим беда,
кап-кап.

Капли бьются о стекло,
кап-кап,
Всё стекло заволокло,
кап-кап.
Тихо-тихо утекло
Счастья моего тепло,
Тихо-тихо утекло,
кап-кап.

День проходит без следа,
кап-кап.
Ночь проходит — не беда,
кап-кап.
Между пальцами года
Просочились — вот беда!
Между пальцами года —
кап-кап.

1955, 1957

ПЕСЕНКА ПРО ДЕДА-ИГРУШЕЧНИКА С БЛАГУШИ

Я мальчишкою был богомазом.
Только ночью, чуть город затих,
Потихоньку из досок лабазных
Вырезал я коней золотых.

Потихоньку из досок чумазых
Вырезал я коней золотых.

Богмазы мне руки крутили,
Провожали до самых сеней,
По спине в три полена крестили...
И в огонь покидали коней.

Шёл я пьяный. Ты слушай не слушай,
Может, сказку, а может, мечту...
Только в лунную ночь на Благуше
Повстречал я в снегу Красоту.

И она мне сказала: «Эй, парень,
Не жалей ты коней расписных.
Кто мечтой прямо в сердце ударен,
Что тому до побоев земных?!»

Я оставил земные заботы,
И пошёл я судьбе поперёк:
Для людей не жалел я работы,
Красоты для себя не берёг.

7

Над мечтой не смеялся ни разу,
Пел на рынках я, птицы вольней.
Отпустите меня, богомазы!
Не отдам я вам рыжих коней!

1958

ПЕСНЯ ОБ ИСТИНЕ

Ох, дым папирос! Ох, дым папирос!
Ты старую тайну с собою принёс:

О домике том, где когда-то я жил,
О дворике том, где спят гаражи.

Ты, дым папирос, надо мной не кружи,
Ты старою песенкой не ворожи.

Поэт — это физик, который один
Знает, что сердце у всех — господин.

Не верю, что Истина — в дальних краях,
Не верю, что Истина — дальний маяк.

Дальний маяк — это ближний маяк,
Но мы его ищем в дальних краях.

Прислушайся — Истина рядом живёт,
Прислушайся — Истина рядом поёт.

Рядом живёт, рядом поёт
И ждёт всё, когда же откроют её.

Ведь если не Истина — кто же тогда
Целует спящих детей иногда?

И если не Истина — кто же тогда
Плакать поэтам велит иногда?

1959

Цы́ган Маша

Ах, Маша, цыган Маша!
Ты жил давным-давно.
Чужая простокваша
Глядит в твоё окно.

Сырая постирушка
Свисает из окна,
Старушка-вековушка
За окнами видна.

Что пил он и что ел он —
Об этом не кричал,
Но занимался «делом»
Обычно по ночам.

Мальбрук в поход собрался,
Наелся кислых щей...
В измайловском зверинце
Ограблен был ларёк.

Он получил три года,
И отсидел свой срок,
И вышел на свободу,
Как прежде, одинок.

С марухой-замарахой
Он влил в живот пустой
По стопке карданахи,
По полкило «простой».

Мальбрук в поход собрался,
Наелся кислых щей...
На Малой Соколиной
Ограблен был ларёк.

Их брали там с марухой,
Но, на его беду,
Не брали на поруки
В сорок втором году.

Он бил из автомата
На волжской высоте,
Он крыл фашистов матом
И шпарил из ТТ.

Там были Чирей, Рыло,
Два Гуся и Хохол —
Их всех одним накрыло
И навалило холм.

Так жизнь свою убого
Сложил из пустяков.
Не чересчур ли много
Вас было, штрафников?!

Босявка косопузый,
Военною порой
Ты помер, как Карузо,
Ты помер, как герой!

Штрафные батальоны
За всё платили штраф.
Штрафные батальоны —
Кто *вам* заплатит штраф?!

1959

ПЕСНЯ ПРО ЦИРКАЧА, КОТОРЫЙ ЕДЕТ ПО КРУГУ НА БЕЛОЙ ЛОШАДИ, И ВООБЩЕ ОН НЕДАВНО ЖЕНИЛСЯ

Губы девочка мажет
В первом ряду.
Ходят кони в плюмажах
И песню ведут:

Про детей, про витязей
И про невест...
Вы когда-нибудь видели
Сабельный блеск?

Поднимается нá небо
Топот и храп.
Вы видали когда-нибудь
Сабельный шрам?

Зарыдают подковы —
Пошёл эскадрон.
Перетоп молотковый —
Пошёл эскадрон!

Чёрной буркой вороны
Укроют закат,
Прокричат похоронно
На всех языках.

Среди белого дня
В придорожной пыли
Медсестричку Марусю
Убитой нашли...

Отменённая конница
Пляшет вдали,
Опалённые кони
В песню ушли.

От слепящего света
Стало в мире темно.
Дети видели это
Только в кино.

На весёлый манеж
Среди белого дня
Приведите ко мне
Золотого коня.

Я поеду по кругу
В весёлом чаду,
Я увижу подругу
В первом ряду.

Сотни тысяч огней
Освещают наш храм.
Сотни тысяч мальчишек
Поют по дворам.

Научу я мальчишек
Неправду рубить!
Научу я мальчишек
Друг друга любить!

Ходят кони в плюмажах
И песню ведут.
Губы девочка мажет
В первом ряду...

1959

ПЕСНЯ ОБ ОРГАНИСТЕ, КОТОРЫЙ В КОНЦЕРТЕ АЛЛЫ СОЛЕНКОВОЙ ЗАПОЛНЯЛ ПАУЗЫ, ПОКА ПЕВИЦА ОТДЫХАЛА

Рост у меня не больше валенка:
Все глядят на меня вниз.
И органист я тоже маленький,
Но всё-таки я — органист!

Я шёл к органу, скрипя половицей,
Свой маленький рост кляня.
Все пришли слушать певицу,
И никто не хотел — меня.

Я подумал: мы в пахаре чтим целину,
В воине — страх врагам,
Дипломат свою представляет страну,
Я представляю орган!

Я пришёл и сел, и без тени страха,
Как молния ясен и быстр,
Я нацелился в зал токкатою Баха
И нажал басовый регистр.

О, только музыкой — не словами —
Всколыхнулась земная твердь:
Звуки поплыли над головами,
Вкрадчивые, как смерть...

И будто древних богов ропот,
И будто дальний набат,
И будто все великаны Европы
Шевельнулись в своих гробах.

И звуки начали души нежить,
И зов любви нарастал,
И небыль, нечисть, ненависть, нежить
Бежали, как от креста.

Бах сочинил — я растревожил
Свинцовых труб ураган.
То, что я нажил, гений про́жил,
Но нас уравнял орган!

Я видел: галёрка бежала к сцене,
Где я — в токкатном бреду.
И видел я: иностранный священник
Плакал в первом ряду.

О, как боялся я — не свалиться,
Огромный свой рост кляня.
О, как хотелось мне с ними слиться —
С теми, кто, вздев потрясённые лица,
Снизу вверх глядел на меня!

1959-1962

ПРО ПОЭЗИЮ

(Гусарский вариант)

Снега, снега... Но опускается
Огромный жёлтый шар небес.
И что-то в каждом откликается —
Равно с молитвой или без.

Борьба с поэзией... А стоит ли?
И нет ли здесь, друзья, греха?
Ведь небеса закат развесили
И подпускают петуха.

О, этот город! В этом городе
Метро — до самых Лужников.
Двадцатый век лелеет бороды
И гонит старых должников.

Ты весь в космическом сияньи:
Не то заснул, не то горишь —
Передовой, как марсианин,
Провинциальный, как Париж.

В кредит не верит и в поэзию,
Ничьим слезам, ничьей беде —
Москва ничьим словам не верит,
А верит всякой ерунде.

За сном в музеях и картинами,
За подворотнями в моче,
За окнами и за квартирами
Встаёт мирок... Но он ничей!

Он общий, он для всех открытый,
Он полон пряной мельтешни,
Он словно общее корыто:
Приди и ешь, коль не стошнит!

А не стошнит — так, значит, смелый
Попался парень-любодей.
Поэзия такое дело —
Она для правильных людей.

Начало 1960-х

МАЗ

МАЗы — это такие большие грузовики.

Нет причин для тоски на свете:
Что ни баба — то помело.
Мы пойдём с тобою в буфетик
И возьмём вина полкило,

Пару бубликов и лимончик,
Банку паюсной и «Дукат».
Мы с тобой всё это прикончим...
Видишь, крошка, — сгорел закат.

Видишь, крошка, — у самого неба
МАЗ трёхосный застрял в грязи.
Я три года в отпуске не был —
Дай я выскажусь в этой связи.

Я начальник автоколонны,
Можно выпить: я главный чин.
Не водитель я. Всё законно.
Нет причины — так без причин.

Что за мною? Доставка дóбычи,
Дебет-крéдит да ордера,
Год тюрьмы, три года всевобуча,
Пять — войны... Но это вчера.

А сегодня — Москву проходим:
Где ни едешь — «кирпич» висит.
МАЗ для центра, видать, не годен:
Что ж, прокатимся на такси.

Два часа просто так теряю,
Два часа просто так стою,
Два разá караул сменяют,
Два мальца строевым дают.

Молодые застыли строго...
Тут я понял, что мне хана:
Козырей в колоде немного —
Только лысина да ордена.

Что за мною? — всё трасса, трасса
Да осенних дорог кисель,
Как мы гоним с Ростова мясо,
А из Риги завозим сельдь.

Что за мною? — автоколонны,
Бабий крик, паровозный крик,
Накладные, склад*ы*, вагоны...
Глянул в зеркальце — я старик.

Крошка, верь мне: я всюду первый —
И на горке, и под горой,
Только нервы устали, стервы,
Да аорта бузит порой.

Слышь — «бузит». Ты такого слова
Не слыхала. Ушло словцо.
Будь здорова! Ну, будь здорова!
Дай я гляну в твоё лицо.

Мужа жди по себе, упрямого:
Чтоб на спусках не тормозил.
Кушай кильку посола пряного,
Кушай, детка, не егози.

Закрывают. Полкруга ливерной!
Всё без сдачи — мы шофера!
Я полтинник, а ты двугривенный,
Я герой, а ты — мошкара!

Ладно, ладно... Иду по-быстрому,
Уважаю закон. Привет!
Эдик, ставь вторую канистру,
Левый скат откати в кювет.

Укатал резину до корды —
Не шофёр ты, а скорпион!..
Крошка, знаешь, зачем я гордый? —
Позади большой перегон.

1960-1962

ВЕСЕННЯЯ НОЧКА

С улицы фонарь светит в окно.
На улице капели весенний звон.

Ах, старая песенка, новый звук!
Новый друг лучше старых двух.

На улице ночка идёт в полёт.
Весна открывает свой новый счёт.

Ах, старая песенка, новый звук!
Новый друг лучше старых двух.

В тонком чулке тонконогая ночь.
Идёт налегке учительши дочь.

Ах, старая песенка, новый звук!
Новый друг лучше старых двух.

Уроки по физике, отметка «пять».
Девочка ночью не хочет спать.

Ах, старая песенка, новый звук!
Новый друг лучше старых двух.

На улице кепка, да юбка нейлон,
Да твоя песенка, Франсуа Виллон.

Ах, старая песенка, новый звук!
Новый друг лучше старых двух.

Короны попадали, отмерцав.
История счёты ведёт по певцам.

Ах, старая песенка, новый звук!
Новый друг лучше старых двух.

<1960-1962>

БАЛЛАДА ОБ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ ВОЗРАСТА

Какое у человека настроение, столько ему и лет...

Не то весна, не то слепая осень,
Не то сквозняк, не то не повезло.
Я вспомнил вдруг, что мне уж тридцать восемь, —
Пора искать земное ремесло.

Пора припомнить, что земля поката,
Что люди спят в постелях до зари,
Что по дворам до самого заката
Идут в полёт чужие сизари.

Пора грузить пожитки на телегу,
Пора проститься с песенкой лихой,
Пора ночлег давно считать ночлегом
И хлебом — хлеб, а песни — шелухой.

Пора Эсхила путать с Эмпедоклом,
Пора Джульетту путать с Мазинá.
Мне тыща лет. Романтика подохла.
Кузьма Иваныч пляшет у окна.

Кузьма Иваныч, пёстрая собака,
Твой хвост ощипан, борода рыжа.
А знаешь ли ты, пёстрая собака,
Как на Луну выходят сторожа?

Как по ночам ревут аккордеоны,
И джаз играет в заревах ракет,
И по очам девчонок удивлённых
Бредёт мечта о звёздном языке?

Чтобы Земля, как сад благословенный,
Произвела людей, а не скотов;
Чтоб шар земной помчался по Вселенной,
Пугая звёзды запахом цветов.

Я стану петь — ведь я же пел веками.
Не в этом дело — некуда спешить.
Мне только год. Вода проточит камень.
А песню спеть — не кубок осушить.

1961

МЕЩАНСКИЙ ВАЛЬС

Вечер. На скверах вечер.
Вечером упоён,
Распрямляет плечи
Знакомый микрорайон.

Машина едет по кругу —
Разогревает мотор,
Юный целует подругу...
Боже, какой простор!

Девица выходит в дамки
При выходе из метро.
Фотограф наводит рамку.
Автомат испускает ситро.

Гуляки играют в шашки —
Чемпионат дураков.
Чирикают пташки-канашки.
Бродит Козьма Прутков.

Парень в микроунивермаге
Закрывает ставню — пора! —
Выпивает чекушку влаги
И идёт домой до утра.

Торговал он себе (и баста!)
Картиной «Девятый вал»
И болгарской зубною пастой
Под названием «Идеал».

В этом маленьком киоске
Помада есть, и духи,
И капроновые авоськи,
И младых поэтов стихи.

Микроулица микро-Горького.
Микроголод и микропир.
Вечер шаркает микропорками.
Микроклимат и микромир.

1961

РЫНОК

Пляшет девочка на рынке
От морозной маеты.
Пляшут души, пляшут крынки,
Парафиновые цветы.

Пляшешь ты, в косынке тонкой,
Современная до пят.
О тебе, тебе, девчонка,
Репродукторы скрипят!

Сапогами снег погублен.
Танцу тесно — не беда.
Словно масленые губы,
Улыбается еда.

В этом масленичном гаме,
В этом рыночном раю
Все поэмы, мелодрамы
Ждут поэтику свою.

Ждут мороженые туши,
Крыш стеклянные верха.
Всё здесь есть (развесьте уши!):
От науки до стиха,

От Эйнштейна до пропойцы,
От Ван Гога до тазов.
Вы попробуйте пропойте —
Без ликбеза, без азов.

Созерцательные ритмы —
Им на рынке тяжело.
Созерцательные рифмы —
Их тут смехом замело,

Им в толпе отдавят тропы.
И, что там ни говори,
Циклотроны, изотопы —
Это тоже буквари.

Здесь сложнее: в этом танце
Нету скидок и постов.
Покупают иностранцы
Белокаменных котов.

Сытость в снеге, сытость в смехе,
В апельсинной кожуре.
Сытость в снеге, сытость в смехе...
Только б мозг не зажирел.

1961-1962

ЧАС ПОТЕХИ (ЧЁТ И НЕЧЕТ)

Парень ужинает — пора.
В подоконник стучат капели.
Во дворе орёт детвора
То, что мы доорать не успели.

То, что намертво — за года,
То, что в пролежнях нá постели,
То, что на зиму загадать
Собирались — но опустели.

Золотые следы — в забор,
Кирпичи нам весну пророчат.
Дни мигают, и на подбор
Ночи делаются короче.

Смирных шорохов череда
Золотою стрелой прошита.
Век оттаивает... Ни черта!
Все сугробы разворошит он.

Снова писк воробьёв. Салют
Снова залпы в сосульки мечет.
Ни о чём судьбу не молю —
Поиграемся в чёт и нечет.

Пусть нам вьюга лицо сечёт —
Плюнем скуке в лицо коровье.
Не горюй, что не вышел счёт,
Не сошёлся — и на здоровье!

Слышь, опять воробьи кричат,
Мир опять в большеротом смехе.
Делу — время, потехе — час.
Я приветствую час потехи!

<1961-1964>

ПРО ЦЫГАНА-КОНОКРАДА

Ах, тополиная метель!
Ах, вы мои гусарчики,
Золотая канитель!
Пропадаю, мальчики!

Паутинка волос —
Стою, зачарован.
Погибать довелось
В зоне вечеровой.

Уезжаю, прости!
Провожать не надо!
Соловей, не свисти —
Она лежит рядом.

Мне б коней воровать,
Тебе веселиться.
Тебе в школе плясать,
Мне б удавиться.

Ах, тополиная метель!
Ах, вы мои гусарчики,
Золотая канитель!
Пропадаю, мальчики!

1962

САЛЮТ, РЕБЯТА!

Посвящается каждому следующему выпуску 10-х классов

Весною каждый роится улей.
«Салют, ребята!» — я вам кричу.
Любая жажда, любая пуля,
Любая драка вам по плечу!

Орда мещанская вас пинала,
Кричала: дескать, вам путь один —
От кринолина до криминала.
Но вот уходит и кринолин.

Уходят моды, раз в год — не реже,
Другие кро́ят их мастера.
Но плечи те же, и губы те же,
И груди те же, что и вчера.

Другая подлость вас манит в сети,
Другие деньги в кошельке,
Но те же звёзды вам в небе светят
И те же песни на языке.

Весною каждый роится улей.
«Салют, ребята!» — я вам кричу.
Любая жажда, любая пуля,
Любая драка вам по плечу!

1962

ПРО НЕГРА (ЧЁРНЫЕ СТЕБЛИ)

«Два баккарди, четыре с содой...
Си, мадам, вам самый большой!»
Чёрный парень в костюме модном,
Чёрный бог с золотой душой.

Чёрный стебель в степи безводной,
Влагу с губ я твоих ловлю.
Ты невеста моя, свобода,
Я одну лишь тебя люблю.

Я одну лишь тебя не про́дал,
Я одну лишь тебя ласкал,
Я во всех словарях «свободу»
Раньше слов остальных искал.

Будет счастье звенеть мечами,
Будет литься вино рекой.
Чёрный бог поведёт очами,
Ярость чёрной взмахнёт рукой.

Два баккарди, четыре с содой.
Милый облик пропал на миг.
Чёрный парень к тебе, свобода,
Оскорблённой душой приник.

1962

ОДУВАНЧИКИ

Тут нету первого куплета, а у меня ещё пороху не хватает его написать — его лёгкой рукой надо написать. Я вам на словах перескажу просто.

Это про такие про детские одуванчики, которые опускаются во дворе. Ну, что ли, «во дворе дрова, на дровах трава, мне, девчоночке, сорок лет» — вот тема. У неё любовь с юным физиком. Он разговаривает с ней за жизнь, за высокие материи, за искусство, а потом приглашает её на дрова. Ну дальше она пересказывает его слова и свои.

«...Будешь первой на свете женщиной!
Об тебе узнает страна!»
Только жизни мне той обещанной
Не видала я ни хрена.

Он работал в секретном «ящике»,
Развивал науку страны,
Только сам он был весь ледащенький —
Всё потел, пока снял штаны.

Тут гляжу я: всё наши мальчики
Проплывают по небесам!..
Мама, мама, гляди — одуванчики
Опускают мёртвый десант.

Не забыли Катьку-десантницу!
...Тут с могучим криком «ура!»
Наподдала я физику в задницу
И невинной пошла со двора.

Наподдала я физику в задницу
И пошла себе со двора.

А шпана в подворотне мочится,
Лунный свет блестит, как моча.
Здравствуй, женское одиночество,
Патефонный крик по ночам...

1962

ЛЮБОВНИЦЫ

Про девчонок нашего возраста, а наш возраст в основном — «военный».

Слава богу, погода мглистая,
На дворе шаром покати.
Покупаю «Герлен» за триста я,
За семьсот пятьдесят — «Коти».

Приходи ко мне ночью, ночью —
Я нужна тебе, я нежна:
Ляжем ночью, закроем очи...
А жена!.. Подождёт жена.

Эй, вдовец, собери овец!
Где ты бродишь, чугун лужёный?
Где ты спишь, молодой вдовец?
Незамужние стонут жёны.

Половинки бредут в ночи —
Половинки сердец, быть может.
Я юна, я смела. Скачи!
Я смогу тебя растревожить.

Приходи, приходи скорей!
А не то на слепом рассвете
Ты услышишь хрип батарей
И меня не успеешь встретить.

И опять миллионы жён,
Разгребая руками ветер,
Будут лезть с тоски на рожон —
И опять не родятся дети...

Ты не плачь, девчонка, не плачь!
Ты капрон свой стирай в лохани.
Год пройдёт, как мимо палач.
Не горюй — не придёт коханый.

Вот закончится Новый год,
Новый год превратится в старый...
Возрастное. Это пройдёт,
Как проходят в степи отары.
<1962-1964>

ПЕСНЯ ПРО ХОККЕИСТОВ

В тридцать лет мы теряем скорость,
Но когда говорят: «Вперёд!»,
Мы прогоним старость и хворость,
Словно шайбы от наших ворот.

И опять заревут стадионы —
За воротами красный огонь!
Двое в штрафе, трое в погоне —
Мир не видел таких погонь.

Мы врываемся в зону лавиной,
В рай ворота себе отворя.
На воротах мордою львиной
Маска адская вратаря.

Мы врываемся, как из пушки.
Смерть, и та отступает, дрожа,
Если мы опускаем клюшки
И ложимся на виражах.

Берегись созвездий короны!
Позади корысть и века.
Мы бескровной войны чемпионы,
Гладиаторы «Спартака»!

Расступается мрак, неистов,
Манит вдаль победы звезда.
Мы спасаем весну, хоккеисты,
Ветераны Большого Льда!

1963

ЗЕРЦАЛО ВОД

Неподалёку от могил
Лежит зерцало вод,
И лебедь белая пурги
По озеру плывёт.

По бесконечным городам,
По снам длиною в год,
И по утраченным годам,
И по зерцалу вод.

И, добегая до могил,
Молчат громады лет,
И лебедь белая пурги
Им заметает след.

Она за горло их берёт
Могучею строкой,
Она то гонит их вперёд,
То манит на покой.

Она играет напоказ
В угрюмый волейбол:
Взлетает сказок чепуха
И тает былей боль.

И светофорами планет
Мерцает Млечный Путь.
Зерцало вод, дай мне ответ!
Зови куда-нибудь.

Утраты лет — они лишь звук
Погибших батарей.
Утраты нет — она лишь стук
Захлопнутых дверей.

И, добегая до могил,
Молчат громады лет,
И лебедь белая пурги
Им заметает след.

1963

АЭЛИТА

Мужики, ищите Аэлиту!
Видишь, парень, кактусы в цвету!
Золотую песню расстели ты,
Поджидая дома красоту.

Семь дорог — и каждая про это,
А восьмая — пьяная вода.
Прилетит невеста с того света
Жениха по песне угадать.

Разглядит с ракеты гитариста,
Позовёт хмельного на века,
Засмеётся смехом серебристым
И растопит сердце простака.

У неё точёные колени
И глазок испуганный такой...
Ты в печурке шевельни поленья,
Аэлиту песней успокой.

Всё равно ты мальчик не сезонный:
Ты поёшь, а надо вычислять.
У тебя есть важные резоны
Марсианок песней усыплять.

На чужой планете ты ведь не был,
На чужой не сиживал корме.
Марсианка знает: Сыну Неба
Два крыла запутали в дерьме.

Вот разлито кактусной пол-литра,
Вот на Марс уносится изба.
Мужики, ищите Аэлиту:
Аэлита — лучшая из баб!

Не беда, что воют электроны,
Старых песен на душе поток!
Застрелитесь, Хаос, Космос, Хронос, —
Не унять вам сердца шепоток!

Январь 1964 года

БАЛЛАДА О ПАРАШЮТАХ

Парашюты рванулись и приняли вес,
Земля колыхнулась едва,
А внизу — дивизии «Эдельвейс»
И «Мёртвая голова».

Автоматы выли, как суки в мороз,
Пистолеты били в упор.
И мёртвое солнце на стропах берёз
Мешало вести разговор.

И сказал Господь: «Эй, ключари!
Отворите ворота в Сад!
Даю команду — от зари до зари
В рай пропускать десант».

И сказал Господь: «Это ж Гошка летит,
Благушинский атаман!»
Череп пробит, парашют пробит,
В крови его автомат.

Он врагам отомстил и лёг у реки,
Уронив на камни висок.
И звёзды гасли, как угольки,
И падали на песок.

Он грешниц любил, а они — его,
И грешником был он сам.
Но где ты святого найдёшь одного,
Чтобы пошёл в десант?

Так отдай же, Георгий, знамя своё,
Серебряные стремена!
Пока этот парень держит копьё,
На свете стоит тишина.

И скачет лошадка, и стремя звенит,
И счёт потерялся дням.
И мирное солнце топочет в зенит
Подковкою по камням.

1964

ПЕСНЯ О КРАСОТЕ

Мне в бокал подливали вино,
Мне обманом клевали глаза,
Обучали терпеть, но одно
Мне забыли — о счастье сказать.

Что оно — словно парус ничей,
Что оно — словно шорох огня,
Что оно — словно стон трубачей,
Поднимающих в топот коня.

Тыщу лет этот стон, этот стих.
Тыщу лет завывает пурга нам.
Тыщу лет за улыбку мечты
Ищем клады по старым курганам.

Утро встанет — рассеется мгла.
Ночь приходит — звезда не погасла.
Дети слушают шорох крыла,
Отлетающий топот Пегаса.

Ты приходишь в чужое кафе,
Обоняешь чужую еду,
Слёзы льёшь на фальшивой строфе
И смеёшься у всех на виду.

Мне нужна красота позарез!
Чтоб до слёз, чтоб до звёзд, чтобы гордо...
Опускается солнце за лес,
Словно Бог с перерезанным горлом.

1964

ВОСКРЕСНАЯ ЗАСТОЛЬНАЯ

(Вальс)

Скребут машины тишину —
Проснулось воскресенье.
Куда пойду? Кого пойму?
С кем встречу новоселье?

Кого увижу на пути,
Кого — на перепутье?
С кем доведётся пошутить?
А с кем уже не шутят?..

Всё тает в мареве земли.
Все пули отсвистели.
За стол садятся короли,
И убраны постели.

Давай же круг наш потесним
И впустим Диониса,
Давай же выпьем вместе с ним
И заедим редисом.

Давай истратим на вино
Последнюю усталость,
Ведь воскресенье нам одно
За семь деньков досталось.

Пускай уйдут ханжа и враль.
Да ну их, в самом деле!
Они читают нам мораль
Семь пятниц на неделе.

Пошлём «прощай!» колоколам —
Пускай звенят монисты!
Разделим булку пополам —
И будем, как министры!

Бельё танцует на ветру
Весенний танец липси.
Давай наденем на подруг
Черешневые клипсы.

Детей весёлая гурьба
Отпустит все грехи нам.
Сегодня пляшет голытьба
По золотым цехинам!

Мы распугали всех ворон
И пьём за день весенний.
Согласны жить без похорон —
Но не без воскресений!

1964

ЦЫГАНОЧКА

Она была во всём права —
И даже в том, что сделала,
А он сидел, дышал едва,
И были губы белые.

И были чёрные глаза,
И были руки синие,
И были чёрные глаза
Пустынными пустынями.

Пустынный двор жестоких лет,
Пустырь, фонарь и улица,
И переулок, как скелет,
И дом подъездом жмурится.

И музыка её шагов
Схлестнулась с подворотнею,
И музыка её шагов —
Таблеткой приворотною.

И стала пятаком луна,
Подруга полумесяца,
Когда потом ушла она,
А он решил повеситься.

И шантажом гремела ночь,
Улыбочкой приправленным,
И шантажом гремела ночь
И пустырём отравленным.

И лестью падала трава,
И местью встала выросшей,
И ото всех его бравад
Остался лишь пупырышек.

Сезон прошёл, прошёл другой —
И снова снег на паперти.
Сезон прошёл, прошёл другой, —
Звенит бубенчик капелькой.

И заоконная метель,
И лампа — жёлтой дынею,
А он всё пел, всё пел, всё пел,
Наказанный гордынею.

Наказан скупостью своей,
Устáл себя оправдывать,
Наказан скупостью своей
И страхом перед правдою.

Устал считать улыбку злом,
А доброту — смущением,
Устал считать себя козлом
Любого отпущения.

Двенадцать падает. Пора!
Дорога в темень шастает.
Двенадцать падает. Пора!
Забудь меня, глазастого...

1964

БЕЛЫЙ ТУМАН

Звук шагов, шагов да белый туман...
На работу люди спешат, спешат.
Общий звук шагов — будто общий шаг,
Будто лодка проходит по камышам.

В тех шагах, шагах — и твои шаги,
В тех шагах, шагах — и моя печаль.
Между нами, друг, всё стена, стена,
Да не та стена, что из кирпича.

Ты уходишь, друг, от меня, меня...
Отзвенела вдруг память о ночах.
Где-то в тех ночах соловьи звенят,
Где-то в тех ночах ручеёк зачах.

И не видно лиц — всё шаги одни.
Всё шаги, шаги, всё обман, обман.
Не моря легли, а слепые дни,
Не белы снеги, а седой туман.

1964

ГЛОТОК ВОДЫ

Если конкретно, то это про геологов, которые ищут воду в пустыне. Это такая узкая специальность среди геологов.

Нам жить под крышею нет охоты,
Мы от дороги не ждём беды.
Уходит мирная пехота
На вечный поиск живой воды.

Пускай же квакают вслед мещане,
К болоту тёплому ползя.
Они пугают и вещают,
Что за ворота ходить нельзя.

Что за воротами ждёт пустыня
И жизнь шальная недорога,
Что за воротами сердце стынет
И нет домашнего пирога.

Что за глоток ключевой водицы
Убьют — и пыль заметёт следы.
Но волчий закон в пути не годится —
В пустыне другая цена воды!

Пройдёт бродяга и непоседа,
Мир опояшут его следы.
Он сам умрёт, но отдаст соседу
Глоток священной живой воды.

На перекрёстках других столетий,
Вовек не видевшие беды,
Рванутся в поиск другие дети
За тем же самым глотком воды.

1964

СЕЛО МИКСУНИЦУ

(Песенка странника. Дойна)

Село Миксуницу
Средь гор залегло.
Наверно, мне снится
Такое село.

Там женщины — птицы,
Мужчины — как львы.
Село Миксуницу
Не знаете вы.

Там люди смеются,
Когда им смешно,
А всюду смеются,
Когда не смешно.

Там скачут олени,
Там заячий взгляд,
Там гладят колени
И верность хранят.

Там майские девочки
Счастье дают,
Там райские песни
Бесплатно поют.

Поэтов не мучают,
Песню не гнут,
Наверно, поэтому
Лучше живут.

Село Миксуницу
Всю жизнь я искал,
Но только тоска
Да могилы в крестах.

Когда ж доползу
До родного плетня,
Вы через порог
Донесите меня.

О, Боже, дай влиться
В твои небеса!
Село Миксуницу
Я выдумал сам.

1964

ДВЕ БИОГРАФИИ — МУЖСКАЯ И ЖЕНСКАЯ

ДУРАЦКАЯ ЛИРИЧЕСКАЯ

(Мужская биография)

Мальчик лезет на забор,
Повышает кругозор.
Каравай, каравай,
Кого любишь — выбирай!

За забором (вот дела!)
Девка ноги развела.
Баю-баюшки-баю,
Не ложися на краю.

Пятый день и день шестой
Ходит парень холостой,
Парень лезет на забор,
Повышает кругозор.

Ходи в петлю, ходи в рай,
Ходи к дедушке в сарай,
А в сарае (вот дела!)
Девка сына родила.

Вот идёт учёный муж,
Академик он к тому ж,
Он полезет на забор,
Он повысит кругозор.

Не придёт твой папа спать
Он не любит воевать,
Он не любит мать твою,
Баю-баюшки-баю.

Как узнать — кого люблю?
Как узнать — кого терплю?
Где помойка, а где рай?
Кого любишь — выбирай!

1960-е

(Женская биография)

Я сижу, боюсь пошевелиться...
На мою несмятую кровать
Вдохновенья радужная птица
Опустилась крошки поклевать.

Не грусти, подруга, обо мне ты.
Видишь, там, в космической пыли,
До Луны, до голубой планеты,
От Земли уходят корабли.

Надо мной сиреневые зори,
Подо мной планеты чудеса.
Звёздный ветер в ледяном просторе
Надувает счастья паруса.

Я сижу, боюсь пошевелиться...
День и ночь смешались пополам.
Ночь уносит сказки-небылицы
К золотым московским куполам.

1960-е

БАЛЛАДА О ТАНКЕ Т-34, КОТОРЫЙ СТОИТ В ЧУЖОМ ГОРОДЕ НА ВЫСОКОМ КРАСИВОМ ПОСТАМЕНТЕ

Впереди колонн я летел в боях.
Я сам нащупывал цель.
Я железный слон, и ярость моя
Глядит в смотровую щель.

Я шёл, как гром, как перст судьбы,
Я шёл, поднимая прах, —
И автострады кровавый бинт
Наматывался на трак.

Я пробил тюрьму и вышел в штаб,
Безлюдный, как новый гроб.
Я шёл по минам, как по вшам.
Мне дзоты ударили в лоб.

Я давил эти панцири черепах,
Пробиваясь в глубь норы, —
И дзоты трещали, как черепа,
И лопались, как нарыв.

Обезумевший слон, я давил хрусталь,
Я сейфы сбивал с копыт,
Я слышал, как телефоны хрустят,
Размалываясь в пыль.

И вот среди раздолбанных кирпичей, среди разгромленного барахла я увидел куклу. Она лежала, раскинув ручки, в розовом платье, в розовых лентах, — символ чужой любви, чужой семьи... Она была совсем рядом.

Зарево вспухло, колпак летит,
Масло, как мозг, кипит,
Но я на куклу не смог наступить —
И потому убит...

И занял я тихий свой престол
В весеннем шелесте трав.
Я застыл над городом, как Христос,
Смертию смерть поправ.

И я застыл, как застывший бой,
Кровенеют мои бока...
Теперь ты узнал меня? — я ж любовь,
Застывшая на века.

1965

КОРОЛЬ ВЕЛОСИПЕДА

Лечу по серому шоссе.
А ветер листья носит.
И я от ветра окосел,
И я глотаю осень.

Я распрощался навсегда
Со школою постылой!
И в лужах квакает вода.
Как пробки от бутылок.

Я пролетаю над землёй
И весело и льдисто.
И даже ветер изумлён
И велосипедисты.

Кукушка хнычет: «Оглянись!»
Кукушка, перестаньте!
Кукушка, вы ж анахронизм,
Вы — клякса на диктанте.

И, содрогаясь до корней,
Мне роща просипела:
«Ты самый сладкий из парней,
Король велосипеда!

Ты по душе пришёлся мне,
Весёлый, словно прутик.
И мне милее старых пней
Тот, кто педали крутит.

Храбрись, король!» — Я и храбрюсь,
Свистит, как розги, хворост.
И я лечу по сентябрю
И сохраняю скорость.

Щекочет ветер мой висок.
Двенадцать лет всего мне...
А дальше... хуже было всё.
И дальше я... не помню.

1966

АНТИМЕЩАНСКАЯ ПЕСНЯ

Однажды я пел на высокой эстраде,
Старался выглядеть молодцом,
А в первом ряду задумчивый дядя
Глядел на меня квадратным лицом.

Не то он задачи искал решенье,
Не то это был сотрудник газет,
Не то он считал мои прегрешенья,
Не то ему просто хотелось в клозет.

А в задних рядах пробирались к калошам.
И девочка с белым прекрасным лицом
Уходила с парнем, который хороший,
А я себя чувствовал подлецом.

Какие же песни петь на эстраде,
Чтоб отвести от песни беду?
Чтоб она пригодилась квадратному дяде
И этой девочке в заднем ряду?

Мещанин понимает — пустота не полезна:
Еда не впрок и свербит тоска.
Тогда мещанин подползает к поэзии —
Из чужого огня каштаны таскать.

Он теперь хочет — чтоб в ногу с веком,
И чтоб совремённо, и чтоб модерн,
И чтоб непонятно, и чтоб с намёком,
И чтоб красиво по части манер.

Поют под севрюгу и под сациви,
Называют стихами любую муть,
Поют под анчоусы и под цимес —
Разинут хайло, потом глотнут.

Слегка присолят, распнут на дыбе,
Потом застынут с куском во рту.
Для их музыкантов стихи — это «рыба».
И тискают песню, как шлюху в порту.

Вакуум, вакуум! Антимир!
Поэты любят его пугать.
Но романс утверждает, что счастье — миг,
Значит, надо почаще мигать.

Транзисторы воют, свистят метели,
Скрипят сковородки на всех газах,
А он мигает в своей постели,
И тихая радость в его глазах.

Ну хорошо. А что же дальше?
Покроет могилку трава-мурава?
Но я говорю: «Спокойствие, мальчики!
Ещё не сказаны все слова».

1966

БОЛЬШАЯ АПРЕЛЬСКАЯ БАЛЛАДА

(Баллада о нашем поколении)

Пустыри на рассвете. Пустыри, пустыри...
Снова ласковый ветер, как школьник.
Ты послушай, весна, этот медленный ритм.
Уходить — это вовсе не больно.

Это только смешно — уходить на заре,
Когда пляшет судьба на асфальте,
И зелень свиданий, и на каждом дворе
Весна разминает пальцы.

И поднимет весна марсианскую лапу.
Крик ночных тормозов — это крик лебедей.
Это синий апрель потихоньку заплакал,
Наблюдая апрельские шутки людей.

Наш рассвет был попозже, чем звон бубенцов,
И пораньше, чем пламя ракеты.
Мы не племя детей и не племя отцов,
Мы — цветы середины столетья.

Мы цвели на растоптанных площадях,
Пили ржавую воду из кранов.
Что имели, дарили, себя не щадя.
Мы не поздно пришли и не рано.

Мешок за плечами, сигаретный дымок
И гитары особой настройки.
Мы почти не встречали целых домов —
Мы руины встречали и стройки.

Нас ласкала в пути ледяная земля,
Но мы, забывая про годы,
Проползали на брюхе по минным полям,
Для весны прорубая проходы...

Мы ломали бетон, и кричали стихи,
И скрывали боль от ушибов.
Мы прощали со стоном чужие грехи,
А себе не прощали ошибок!

Дожидались рассвета у милых дверей
И лепили богов из гипса.
Мы сапёры столетья! Слышишь взрыв на заре?
Это кто-то из наших ошибся...

Это залпы черёмух и залпы мортир.
Это лупит апрель по кюветам.
Это зов богородиц. Это бремя квартир.
Это ветер листает газету.

Небо в землю упало. Большая вода
Отмывает пятна несчастья.
На развалинах старых цветут города —
Непорочные, словно зачатье.

1966

* * *

Батальоны все спят, сено хрупают кони,
И труба заржавела на старой цепи.
Эта тощая ночь в случайной попоне
Позабыла про топот в татарской степи.

Там по синим цветам бродят кони и дети.
Мы поселимся в этом священном краю.
Там небес чистота, там девчонки — как ветер,
Там качаются в сёдлах и старые песни поют.

Там небес чистота, там девчонки — как ветер,
Там качаются в сёдлах и песню «Гренада» поют...

1966

* * *

...Давайте попробуем думать сами,
Давайте вступим в двадцатый век.

Слушай, двадцатый, мне некуда деться —
Ты поёшь у меня в крови.
И я принимаю твоё наследство
По праву моей безнадёжной любви!

Дай мне в дорогу что с возу упало —
Вой электрички, огонь во мгле.
Стихотворцев много, поэтов мало,
А так всё отлично на нашей земле.

Прости мне, век, танцевальные ритмы.
Что сердцу любо, за то держись.
Поэты — слуги одной молитвы,
Мы традиционны, как мода жить.

ПЕСНЯ ПРО РАДОСТЬ

Мы дети эпохи, ато́мная копоть,
Рыдают оркестры на всех площадях.
У этой эпохи свирепая похоть —
Всё дразнится, морда, детей не щадя.

Мы славим страданье, боимся успеха,
Нам солнце не в пору и вьюга не в лад.
У нашего смеха печальное эхо,
У нашего счастья запуганный взгляд.

Любой зазывала ползёт в запевалы,
Любой вышибала — хранитель огня.
Забыта основа весёлого слова.
Монахи, монахи, простите меня!

Не схимник, а химик решает задачу.
Не схема, а тема разит дураков.
А если уж схема, то схема поэмы,
В которой гипотезы новых веков.

Простим же двадцатому скорость улитки,
Расчёты свои проведём на бегу.
Давайте же выпьем за схему улыбки,
За график удачи и розы в снегу.

За тех, кто услышал трубу на рассвете,
За женщин упрямые голоса,
Которые звали нас, как Андромеда,
И силой тащили нас в небеса.

Полюбим наш век, забыв отупенье.
Омоется старость живою водой.
От света до тени, от снеди до денег
Он алый, как парус двадцатых годов.

Довольно зависеть от прихотей века,
От злобы усопших и старых обид.
Долой манекенов! Даёшь человеков!
Эпоха на страх исчерпала лимит!

Мы рваное знамя «бээфом» заклеим,
Мы выдуем пыль из помятой трубы.
И солнце над нами — как мячик в аллее,
Как бубен удачи и бубен судьбы.

Давайте же будем звенеть в этот бубен,
Наплюнем на драму пустых площадей.
Мы, смертные люди, — бессмертные люди!
Не стадо баранов, а племя вождей!

Отбросим заразу, отбросим обузы,
Отбросим игрушки сошедших с ума!
Да здравствует разум! Да здравствуют музы!
Да здравствует Пушкин! Да скроется тьма!

1966

ПЕСНЯ О РОССИИ

Ты припомни, Россия, как всё это было:
Как полжизни ушло у тебя на бои,
Как под песни твои прошагало полмира,
Пролетело полвека по рельсам твоим.

И сто тысяч надежд и руин раскалённых,
И сто тысяч салютов, и стон проводов,
И свирепая нежность твоих батальонов
Уместились в твои полсотни годов.

На твоих рубежах полыхают пожары.
Каждый год — словно храм, уцелевший в огне,
Каждый год — как межа между новым и старым,
Каждый год — как ребёнок, спешащий ко мне.

На краю городском, где дома-новостройки,
На холодном ветру распахну пальтецо,
Чтоб летящие к звёздам московские тройки
Мне морозную пыль уронили в лицо.

Только что нам зима — ведь проклюнулось лето!
И, навеки прощаясь со старой тоской,
Скорлупу разбивает старуха планета —
Молодая выходит из пены морской.

Скорлупу разбивает старуха планета —
Афродитой выходит из пены морской.

Я люблю и смеюсь, ни о чём не жалею, —
Я сражался и жил как умел — по мечте.
Ты прости, если лучше пропеть не умею.
Припадаю, Россия, к твоей красоте!

1971

* * *

Я ночью шла по улице.
На небе месяц жмурится
И освещает домика порог.
Оконце желтоглазое,
Мальчишки речь бессвязная
И девочки счастливый говорок:

«Пора, пора — уж утро наступает.
Боюсь я, мама выйдет на крыльцо.
Рассвет встаёт. Ну хватит, ну ступай же!
Не то я рассержусь в конце концов».

Какая я нескладная:
Всё сделала неладно я —
Я своего дружка прогна́ла прочь.
А надо было так прогнать,
Чтоб завтра он пришёл опять
И я ему твердила бы всю ночь:

«Пора, пора — уж утро наступает.
Боюсь я, мама выйдет на крыльцо.
Рассвет встаёт. Ну хватит, ну ступай же!
Не то я рассержусь в конце концов».

И вот иду с обидою,
Иду и всем завидую,
А по дороге гаснут фонари.
Ах почему не я стою
И мальчику вихрастому
Не я шепчу до утренней зари:

«Пора, пора — уж утро наступает.
Боюсь я, мама выйдет на крыльцо.
Рассвет встаёт. Ну хватит, ну ступай же!
Не то я рассержусь в конце концов»?

1971

СЛОВО «ТОВАРИЩ»

Говорил мне отец: «Ты найди себе слово,
Чтоб оно, словно песня, повело за собой.
Ты ищи его с верой, с надеждой, с любовью —
И тогда оно станет твоею судьбой».

Я искал в небесах и средь дыма пожарищ,
На зелёных полянах и в мёртвой золе,
Только кажется мне, лучше слова «товарищ»
Ничего не нашёл я на этой земле.

В этом слове — судьба до последнего вздоха,
В этом слове — надежда земных городов.
С этим словом святым поднимала эпоха
Алый парус надежды двадцатых годов.

Батальоны встают, сено хрупают кони,
И труба прокричала пехотной цепи.
И морозная ночь в заснежённой попоне
Вдруг припомнила топот в далёкой степи.

Там по синим цветам бродят кони и дети.
Мы поселимся в этом священном краю.
Там небес чистота, там девчонки — как ветер,
Там качаются в сёдлах и «Гренаду» поют...

1972

В песне использовано стихотворение, написанное в 1966-м году.

* * *

Мне приснились сырые проталинки,
Мне приснилась трава-мурава,
Мне приснилось, что я ещё маленький
И что мама опять жива.

И что ночки стоят весенние,
И что утро, а не закат,
И что каждый день — воскресение,
И что будто я — музыкант.

Будто вышел я на рассвете
С золотою своей трубой,
И в ответ засмеялись дети —
И позвали меня с собой.

Мы построим наш чистый город,
Мы отыщем к нему пути,
Мы придём в этот чистый город,
Потому что мы так хотим.

Мне приснились сырые проталинки,
Мне приснилась трава-мурава,
Мне приснилось, что я ещё маленький
И что мама опять жива.

1972

* * *

Стою на полустаночке
В цветастом полушалочке,
А мимо пролетают поезда.
А рельсы-то, как водится,
У горизонта сходятся.
Где ж вы, мои весенние года?

Жила, к труду привычная,
Девчоночка фабричная,
Росла, как придорожная трава.
На злобу неответная,
На доброту приветная,
Перед людьми и совестью права.

Колёсики всё кружатся,
Сплетает лента кружевцо...
Душа полна весеннего огня.
А годы, как метелица,
Всё сединою стелются,
Плясать зовут, да только не меня.

Что было — не забудется,
Что будет — то и сбудется,
Да и весна уж минула давно.
Так как же это вышло-то,
Что всё шелками вышито
Судьбы моей простое полотно?

Гляди, идёт обычная
Девчоночка фабричная,
Среди подруг скромна не по годам.
А подойди-ка с лаской к ней
Да загляни-ка в глазки ей —
Откроешь клад, какого не видал.

Стою на полустаночке
В цветастом полушалочке,
А мимо пролетают поезда.
А рельсы-то, как водится,
У горизонта сходятся...
Где ж вы, мои зелёные года?..
1972

ТЫ ПРОСТИ МЕНЯ, ДЕРЕВО

Строевая сосна корабельная,
День и ночь я тебя молю:
«Ты прости, прости меня, дерево,
Что железом тебя гублю».

Лес мой милый в туманной проседи,
Ты от шума совсем устал.
Но бегут поезда по просекам
И целуют твои уста.

За тебя я сражаюсь, дерево,
Чтоб живое вовек жило.
Потерпи сколько можешь, дерево, —
Сберегу я твоё тепло.

1972

ДЕТСКИЙ ПЛЫЛ КОРАБЛИК

Детский плыл кораблик
По синей реке,
Плыли дирижабли
По синей реке.

По зелёной, зелено́й
Зелено́й траве
Пулями простреленный
Шёл двадцатый век.

Наши отступают —
Небеса горят.
Наши наступают —
Небеса горят.

Наши вдаль уходят —
Небеса горят.
Молодость уходит —
Небеса горят.

Небо, моё небо,
Синяя вода.
Корабли уплыли
В небо навсегда.

С той поры я не был
У синей воды.
Небо, моё небо,
Зеркало беды.

<1975>

МНОГОЭТАЖНАЯ ОКРАИНА

Заря упала и растаяла,
Ночные дремлют корпуса,
Многоэтажная окраина
Плывёт по лунным небесам.

И, шапку сняв, задравши голову,
Как зачарованный стою
Я на краю степи и города,
Земли и неба на краю.

И снова песней нескончаемой
Запела древняя струна.
Веками числилась окраиной
Моя родная сторона.

Страна великая, красивая
В круговороте всех веков
Весь мир спасала от насилия,
От злых набегов чужаков.

Весь мир спасала от отчаянья
И не боялась ничего —
Моя любовь, моё дыханис.
Отчизна сердца моего.

1976

ЗДРАВСТВУЙ, ЗЕМЛЯ!

(Из цикла «Комсомольцы»)

Как по всей земле петухи поют,
Значит, утро спешит на поля.
Здравствуй, сердцем и кровью любимая,
Здравствуй, мать, здравствуй, наша земля!

Ты века́ ожидала хозяина,
Горе горькое шло напролом,
И тогда заводские окраины
Породнились со старым селом.

Кулачьё поджигало деревни,
Но из пламени изб и камор
С юной силой, бессмертной и древней,
Деревенский вставал комсомол.

Мы друзей хоронили — не плакали,
Горе горькое било крылом...
Но Победа вкатилась на тракторе
И спасла от разрухи село.

И комбайны плывут — корабли мои.
Пляшут девушки, глаз веселя.
Здравствуй, сердцем и кровью любимая,
Здравствуй, мать, здравствуй, наша земля!

1976

ВЕТЕРАНЫ

(Из цикла «Комсомольцы»)

Вот проходит старик
До своей скамеечки.
Гул машин, птичий крик,
Мальчики и девочки...
Он бы встал с ними в круг
Заинтересованно,
Только шрамами грудь
Вся исполосована.

Сквозь огонь и сквозь дым
Тропою нехоженой
Он прошёл молодым,
Пулею не скошенный.
Не сломать, не согнуть
Это поколение.
Пролегал его путь
По дороге Ленина.

Трепетала весна,
Страстью полонённая,
Грохотала война
Сталью воронёною.
Прочертили штыки
Рваные отметины...
Старики, старики,
Вы Победу встретили!

Погляди на парней —
Из того же войска мы,
Мы из тех же корней,
Юность комсомольская.
　　По морям, по горам
　　Тропой непроторенной
　　Прошагал ветеран
　　Гордый, как История.

1976

РАБОЧИЕ ЛЮДИ

(Из цикла «Комсомольцы»)

Горячее сердце — великий магнит,
Труда негасимое пламя.
Ты слышишь, дружище, как время звенит?
Мы знаем, что правда за нами!

Страна молодела в труде и в боях.
Мы жили, а время летело...
Мы тех не забыли, кто насмерть стоял
В борьбе за рабочее дело.

Всё было впервые: борьба, и поход,
И первые домны Урала...
Но клич комсомола был — «Время, вперёд!»,
И время от нас отставало.

Нас били дожди и сушила жара,
Но мы одолели все беды.
Рабочие люди — побед мастера.
Да здравствует наша победа!

1976

КОМСОМОЛЬЦЫ

(Из цикла «Комсомольцы»)

Над нами реют алые знамёна,
И трубачи ликующе трубят.
Идут, идут весёлые колонны
Девчонок смелых, пламенных ребят.

Шагайте вместе с нами
И пойте вместе с нами,
Кто жизни не жалеет
За Родину свою.
Ведь Ленинское знамя
Блистает орденами
За доблесть трудовую
И подвиги в бою.

Мы все идём дорогою рассвета,
Мы сеем хлеб и строим города.
В одном строю солдаты и поэты,
Один союз науки и труда.

Мы взяли эстафету
У старших поколений,
Сияет нам, как прежде,
Грядущая заря.
Мы молодость планеты,
Мы утренняя смена,
Мы армия надежды,
Мы дети Октября.

1976

БЫЛИ ГРОЗНЫЕ ГОДЫ

Были грозные годы, упрямые годы.
Кони бились в постромках, хрипел пулемёт...
Но любовь прилетела на крыльях свободы
И людей подняла в небывалый полёт.

А иначе навек чёрный дым рукопашной,
Серый пепел и пламя на нашей земле,
А иначе навек солнце небо пропашет,
Подожжёт горизонт и растает во мгле.

Но дорога зовёт, километры листает,
И летят вестовые погибших полков.
По кровавой траве пробегает босая
Человечья крылатая наша любовь...

Не в шелках, а в бинтах, бескорыстна на диво,
Без напыщенных слов и пустой похвальбы.
До печали наивна, до смерти правдива,
Золотая, простая, как песня трубы.

Люди слышат её в тишине на рассвете.
Люди слышат её — и выходят на зов,
Чтобы шла босиком по зелёной планете
Революции нашей святая любовь.

<1978-1979>

ПЕСНЯ ЖИГУЛИНА

(Из повести «Страстной бульвар»)

Ты послушай, братишка, легенду одну
Про Великий десант, про Большую войну.
Было двести друзей у отца твоего,
А из них не осталось почти никого.

Были — ночь штормовая и двести ребят,
Были — рёв дальнобойных и разрывы гранат,
Были лютые ветры и крики во мгле,
Двадцать два километра по Малой земле.

Двадцать два километра в тылу у врага,
Только волны кровавые бьют в берега,
Только смерть и металл, только кровь и песок,
Только пóтом просоленный хлеба кусок.

Сотня вымпелов с ходу
Врывается в порт,
Парни в чёрную воду
Шагают за борт.
Только залпов раскаты,
Да крики «ура!»,
Да хрипят на закате
Мои катера.

Это пламени вой и осколочный визг.
Это новой России Новороссийск.
Это в скалы Мысхако пришла тишина.
И запела морзянка, как в песне струна.

Восемь месяцев смертью хлестала война.
На кровавых тельняшках цветут ордена.
Подхватила их воинской славы река —
Рядового матроса и члена ЦК.

Запевают ребята про крейсер «Варяг».
Бой уходит на запад. Заплакал моряк.
Станет дочка невестой, мальчишка — бойцом,
Вспомнят песню они, что пропета отцом.

Шли дорогой рассвета,
Всё старое — прочь!
На кровавой планете
Кончается ночь.
Шли, не зная покоя,
От земли к небесам.
Вот, сынок, что такое
Великий десант.

1979

МАНЮНЯ

Всё про Золушек и принцев
Сочиняются слова,
Про мечту, девичий принцип
И другие кружева.

Про банкеты и паркеты,
Клавесины на балах,
Про манжеты и горжеты...
Манька, как твои дела?

У меня вопросов прорва,
Есть и песня по душе.
Ты по-прежнему оторва?
Иль состарилась уже?

Как на Манькины именины
Испекли мы каравай,
А он взял да не явился —
Он с тобой побаловал.

Помню тот кошмарный случай,
Когда в петлю головой...
Манька, зря себя не мучай —
Этот случай рядовой.

Много вас — порою вешней
Подрастающих кобыл,
Но тебя, моя черешня,
Баринок употребил...

Я же помню, как летела
Ты на танцах, будто снег,
И твой литое тело
Завораживало всех.

Как твои тугие ляжки
Сокрушили молодца.
Машка, Машка! (Но про ляжки
Он, конечно, ни словца.)

...Окуджава и Высоцкий,
Из Матвеевой стишок...
Он душевный, он не скотский,
Он всех прочих превзошёл.

А с другими спи привычно
Иль от скуки соловей:
Видно, вправду — на бесптичье
И кастрюля соловей.

По эстраде ходят кони.
Маньке песенки поют.
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж продают.

Слов не слышно, лиц не видно,
И от песенной красы
Остаётся рёв солидный
Да линялые усы.

Никуда от них не деться,
Никуда не делась ты.
Поп-гвардейцы, поп-лакейцы,
Королевы красоты...

А потом глаза открыла
И маленько поняла —
Надувного крокодила
Ты за принца приняла.

За подружку на танцульке,
За такой его полёт
Ему рóдная мамулька
Уши к заднице пришьёт.

У неё другие планы,
И другие у отца:
Как бы, как бы в жизни плавать
Научить бы стервеца?..

«Мама, что со мною будет,
Как настанут холода?»
«Не печалься, добры люди
Позвонят туда-сюда...

И подыщут тебе место,
Как конфетку, для своих,
И подыщут и невесту
Из порядочной семьи.

Папа — гад, мамаша — стерва,
Дочка замужем пока...
Но зато какая сперма!
Родословная кака́!»

Был прапрадед ювелиром,
Прадед был ростовщиком,
Дед командовал трактиром,
Папа стал кладовщиком.

Кладовщик был всех богаче —
Он на складе воровал.
Бог послал ему три дачи
И удачу даровал.

Даровал друзей и связи —
От Мосторга до ларька.
С зятем, правда неувязка...
«Купим нового зятька.

Наш-то вовсе в дом не тащит.
Нужен парень деловой.
Приходи, сынок, почаще —
Ты, похоже, с головой.

Ты учись, мой принц, старайся.
А ещё хочу сказать:
Пуще смерти опасайся
Себя с Машкою связать.

Ты подумай, догадайся,
Про что люди говорят...»
...Мань, а Мань! Ступай подальше,
Они сами погорят...

Как на Манькины именины
Испекли мы каравай,
А он взял да не явился —
Только с ней побаловал.

Всё про Золушек и принцев
Сочиняются слова,
Про мечту, девичий принцип
И другие кружева...

Ладно, принцип так уж принцип,
Резюме так резюме:
Не любите, девки, принцев —
У них деньги на уме!

1980

ХЛЕБ

ГЛАВА ВТОРАЯ

«ИСКУССТВО — НЕ ЖАЛОБНАЯ КНИГА!»

(По фонограммам выступлений 1960-1980-х годов)

Песни я начал писать давным-давно и, так сказать, являюсь Мафусаилом этого жанра. Перед войной начал пробовать писать песни. Первая песенка, если не изменяет память, была написана на слова Грина. В то время в Москву приехала его супруга Нина Николаевна Грин по каким-то своим литературным делам, в Литмузей, и ей сказали, что есть такой мальчик, который пишет песни, и вот он написал песню на слова её покойного супруга. А её покойный супруг ни больше ни меньше как Александр Грин! Ну нас с ней свели. Я эту песню ей спел — она заплакала, потому что в то время его мало кто знал. Во всяком случае, так широко, как теперь, он не был известен совершенно. Потом были ещё какие-то песни. Сначала на чужие слова, потом я догадался, что могу проделывать это сам не хуже. В войну мало просто было стихов, не попадались как-то. А ребята просили песен. Тогда пошёл уже такой основной косяк песен. Но юношеских. Я их сейчас не пою: они, по-моему, не то слезливые, не то сопливые. Они какие-то очень все такие, знаете, навзрыд. Ну в 21-22 года так, видимо, полагается. Все этим должны переболеть. Очень такие душещипательные. Но их извиняет только одно: что во время войны таких песен никто не писал — не по качеству, естественно (на качестве, как вы сами понимаете, не настаиваю), — по направлению какому-то. Потому что всё лучшее, что было написано во время войны, было написано на военно-патриотическую тему. И это правильно. Но мне пришло в го-

лову, что в общем война-то ведь ведётся за мирные ценности: за прежний дом, за прежние радости, за то, чтоб было хорошо там, куда вернёшься. Значит, надо было какие-то, мне так казалось, довоенные мальчишеские ценности сохранять. И, во всяком случае, ребята вокруг меня радовались этим песням. Это меня вполне удовлетворяло, и я на большее не претендовал. Ближайшие знакомые говорили, что это, видимо, искренне, — и просили ещё. Вот и всё.

Потом они получили широкое распространение какое-то. Некоторые бродят до сих пор — считаются фольклором.

После войны мне не захотелось писать. Противостоять было нечему, потому что война-то кончилась, а песни военных времён были нацелены на то, чтобы сохранить ту ноту домашности, что ли, и человечности, ради которой весь сыр-бор был. Мирные ценности. А после войны их отстаивать было не нужно. Они как-то уже не пелись. У меня у самого они не пелись. О чём по-новому писать — я ещё не знал. И, кроме того, уж очень удручали песни, которые тогда сразу после войны пошли. Они были уже не военные, но ещё не мирные, а так — какая-то серединка непонятная.

Помню, была какая-то песня про пограничника, что вот он возвращается и видит — девица наливает воду. Откуда-то она там льёт воду. Он попросил попить, она ему налила — он пьёт, она ему снова налила — он снова пьёт, снова налила — снова пьёт... И всё. И ничего больше в песне нету, кроме того, что она ему наливает воду. Так и пела что-то у колодца: «может, час, а может, два, а может, год, а может, век» — не помню. Если эта песня про водопровод, так и надо было бы сказать. Эта песня считала меня за дурака, а мне это было неприятно, потому что, как мне кажется, я не вовсе дурак. Зачем меня считать таким уж серым скотом, которому хватит в песне только сообщения о том, что кому-то там наливают воду — и он пьёт очень долго? Ну и что? Я тоже могу долго пить. Почему я должен воспевать это дело?

Ну а потом прошло как-то много лет — вдруг снова возобновился интерес к военным этим вот песням. Кстати сказать,

тут странная вещь произошла. Через много лет возобновился интерес и к тем песням, которые я делал, — они заново начали появляться, и к военно-патриотическим. Понимаете, какая вещь! То есть, это совпало. Вдруг стали петь опять «Землянку», например. Блестящая совершенно песня. Просто фронтовые песни стали петь. То есть где-то, очевидно, людей потянуло на другом витке, что ли, к тому же самому к чему-то. Тогда я начал писать заново, где эти две вещи пытался объединять.

Уважаемый Михаил Леонидович! Когда и в связи с чем была написана песня «Тихо капает вода...»? Для меня, например, это одна из первых песен, ставшая известной — из авторских...

Сейчас попробую вспомнить, как это дело там было. Значит... Ну по настроению, сами чувствуете — не густо тут со всякими веселиями. И, действительно, мне тогда было неважно. И потом было неважно довольно часто, и до этого. Ну один из таких моментов. Я помню, был разговор с одной девчонкой. Я её спросил: «А вот какую бы ты хотела песню услыхать?» Не потому, что я хотел по заказу написать, — о заказе речь отдельная, это особый разговор. А просто хотелось както сориентироваться: будет ли понятно то, что во мне, постороннему человеку, если сказать всего лишь просто: «Ну какие тебе стихи нравятся?» А тогда были стихи самые разные, ну в том смысле, что были и переусложнённые по форме и просто примитивные. И было такое время, очередной такой этап наступил, когда надо было опять искать какую-то вот новинку в чём-то. «Какие, — говорю, — на тебя действуют стихи: бурные, переусложнённые по форме или какие-то другие?» Потому что в ходу тогда были именно такие вот, это считались стихи элитарные, для своих. Такой междусобойничек, как говорится. Ну а остальные — уж как приладятся. И вот она мне сказала — мне понравилось это — она сказала: «Мне бы хотелось услышать стихи — как жемчужинка!» То есть не примитивные и не усложнённые по форме, а — как жемчужинка такая. Я говорю: «Ну что ты имеешь в виду?» — «Ну, в общем, не знаю — я их в переводах только знаю — ну как японский танка». Знаете, такие вот стишки в несколько строчек, там

страшно простые образы какие-то, просто обозначения, там никаких таких очевидных метафор нет — там метафора скрытая. «Проплывают рыбы и черепахи» — и берёт! Простота такой степени, сверхестественная простота. Вот у живописцев — не знаю, как сейчас — было такое выражение: «Вещь, написанная нетом». То есть не поймёшь, чем: грязью не грязью, чёрт его знает, что-то намешано... Но возникает колорит, какая-то серебристость возникает. То есть не поймёшь, чем. Неповторимые вещи. «Картины, написанные нетом». Так вот в танка и в русской поэзии есть какие-то сверхестественной простоты строки. Вот у Пушкина есть такие. Это какие-то вершины такие. Когда просто человек излагает — ну как есть. Он не говорит, что «как... как... как... это похоже на это, это...» «Мы подъезжали к Арзруму...» Обмен информацией. И — берёт. Вот сейчас увлекаются информацией — битами и так далее. К поэзии это не имеет отношения. Никакого! Вот самый простой пример. «Мой дядя самых честных правил, когда не в шутку занемог». У Пушкина мало этих самых «как; как, как» — у него скрытая метафора. Ну вот я и стал думать: готов я попробовать вот так вот или не готов? Мне показалось, что готов. Вот эта самаю песенка «Кап-кап» — совершенно непритязательная, внешне, во всяком случае. Я не знаю, как она вами воспринимается, потому что прошло пятьсот тысяч лет с тех пор. Дело в том, что эту песенку я писал месяца полтора. А там всего-то пять слов каких-то, они так поворачиваются незатейливо. Но я хотел, чтобы она была литая. Ну вот то, что я мог в то время, я сделал. Вот она живучая, живучая, где-то, видимо, доходит, что это не просто так, а что ещё есть, хотя простой набор обыкновенных слов. Я не знаю, кому я отвечаю, не пойму, но вот если я ответил на этот вопрос, то вот так это было всё.

В каком году написана она?

В каком году? Это где-то в начале 60-х. Сейчас точно не вспомню. Когда-то помнил, кому-то даже говорил, где-то записано. По-моему, где-то в начале 60-х. Я примерно по ситуации просто вспоминаю.

Аркадий Райкин хотел её в какой-то спектакль вставлять?

Нет, не эта песня. Не эта. Это забавная история с другой песней. Она тоже в этом плане — тоже мне хотелось сделать вещь такую, совершенно литую. Это песенка «Белый туман». И Райкин вставил — у него какая-то программа своя, такой спектакль, где разыгрывалась сценка. Я потом там был — меня позвали, и они эту песню разыгрывали сюжетно. Любовь идёт по кругу: этот этого, этот этого, этот этого, а тот, кого он любит, в ответ не колышется душевно, и поэтому всё замыкается с обратной стороны. Ну смешная такая была лирическая сцена. И там эту песню пели, действительно. Так что это не «Кап-кап», а вот эта вот. Туда её, по-моему, привезла такая актриса Тамара Кушелевская — где-то она слышала. А потом она мне это говорила даже.

Ваше отношение к Вашим песням? Тут много вопросов...

Давайте, пожалуйста. Как сказала одна продавщица: «На каждый вопрос будет даден полный развёрнутый ответ».

Что было, по-Вашему, главное в песне: стихи, музыка, исполнение, синтез? Как Вы воспринимаете? Какие песни Вы любите?

Ну вопрос немножко смешной — не по существу, а по форме. Это в записных книжках Чехова, они вам, наверное, все известны, вы помните, там такое место. Барышня одна спрашивала: «Вы читали Спенсера?» Ну это философ был такой. «Вы читали Спенсера? Расскажите мне его содержание!» Ну что главное в песнях? Это такой телевизионный вопрос, знаете. «Расскажите — самый важный случай в Вашей жизни». Чёрт его знает — какой самый важный? Ну это по форме, а по существу это очень трудно формулируемый ответ на этот вопрос. Спросить в данном случае легче. Ну что главное в песнях? Ведь песни тоже разные. Я помню, в годы войны была выпущена инструкция против вшивости. Так там первая фраза была такая: «Воши бывают разные». Песни бывают разные, но это уподобление только чисто формальное. Хотя бывают, наверное, песни, которые похожи на эту инструкцию тоже. Не наверное, а точно уж бывают. Они разные песни, разные, как и

внутренние задачи у сочинителя, у исполнителя. Видимо, в вопросе заключено как бы некое общее: что объединяет вообще хорошие песни? Сейчас попробую сказать.

Вот я тут ребятам рассказывал. Про эстрадные песни я не буду говорить. Так сказать, я уже говорил что-то. Но есть удачи — тут не открутишься. Причём удачи на совершенно неожиданных направлениях. Мне в последнее время ужасно нравится одна песенка, совершенно прелестная песенка. Ну чтобы мы поняли, в чём дело, обыкновенно говорят так — её называют, а потом говорят: «Шутка». А то бы мы не догадались, понимаете? Есть такая боязнь — а не дураки ли мы? Мне так не кажется, что мы уж вовсе дураки... Там поёт певец, эстрадный певец нормальный. И певица такая, эстрадная певица нормальная. Я как-то спокоен по отношению к такому исполнению, к таким песням и так далее. Но когда они вместе поют эту песенку, дуэт такой, то возникает какое-то совершенно неожиданное качество. То есть видна вся прелесть этой песенки. Её написала какая-то девушка ленинградская, я забыл её фамилию. Ну вы её знаете — её часто поют. Вот это — «дождь за окнами», «скинь туфли узкие» и «как серёжками, качая люстрами, танцует дом.» Помните?.. Нет, я без шуток. Это действительно — когда Хиль совершенно неожиданно и Сенчина совершенно неожиданно собираются вместе и поют эту песенку, они оба прекрасно выглядят. Прекрасно! У них какая-то раскованность появляется, что ли. Сенчина не такая голубая, как она такой образ себе выбрала для песен, а просто женщина лет где-то тридцати пяти, у которой проснулся какой-то бесёнок такой весёлый, — и она какая-то совершенно другая. Вот эти «скинь туфли узкие» — это совершенно прелестно. И он дурачится рядом с ней, поёт. Они дурачатся. Они отплясывают. На улице дождь, а они отплясывают. Вот такая штука. Вот вам эстрада.

С другой стороны, опять эстрада — Пугачёва. У неё очень неровный репертуар. Я, помню, первый раз, когда я её увидел, была передача с какого-то фестиваля в Сопоте где-то, не по-

мню. Ну! — теперь наша поёт. Она пела какую-то стандартную крикливую песню: какие-то там крики, вопли якобы музыкальные. Никому не надо. Ни душе, ни сердцу. А мы с кем-то сидели, несколько человек, и я своё мнение об этом высказал, говорю: «Ну, Господи, кому это надо! Кому это вообще надо!» Забывается на второй день, не успев запомниться. Даже под впечатлением. И вдруг она начинает вторую песню. И я, видимо, так уговорил собеседников, что они начали иронически относиться сразу, с ходу, от порога и ко второй песне. Я говорю: «Стоп! Да вы что!» И она спела «Арлекино». Это совершенно другое! Актриса! Ничего не скажу, богатая актриса, озорная. И — другая совершенно песня. Вот так в одном человеке и то и другое бывает.

Не знаю, как вам, мне кажется, надо человека судить по пикам, по высшим достижениям. Ну а остальное — прокол, видимо... Обыкновенная эстрада. А тут она вдруг взяла реванш. Потом вот эта — «Всё могут короли», озорная песня. Помните, она дурачится? Такая там она совершенно как маркитанка: таких вот на пушках возили во времена взятия Бастилии. Точно. Точно. То есть она этих королей прикладывает как хочет. И крыть нечем, потому что поёт женщина. «Всё могут короли», а вот насчёт любви — не очень. И крыть нечем. Понимаете? Вот так. Озорная, прекрасная. И опять — актриса! И ещё несколько таких песен есть. А другие — традиционные. Потом она немножко стала чересчур о себе — эти «я... я... я...». Ну чисто субъективное — мне немножко жмёт, что ли. А вот такие песни — это для всех. Она тогда одна из многих, а не просто «я сама». Вот эстрада.

Теперь песня — ну как назвать? — авторская, скажем, песня. Хорошая песня, мне кажется, вы знаете, какая? Во-первых, раскованная. Раскованная. Где видно, что человек писал искренне, по крайней мере. Это начальная стадия. Неискренне писать песни просто нету смысла. Нет смысла. Это всё равно, как вот такое впечатление. Ты пришёл, провёл вечер с кокетничающей женщиной, она прекрасно держалась, и ты чувствовал, что ты кум королю и воинский начальник, распускал хвост

павлиний, и ты чувствовал, что нравишься, она тебе это всячески показывала, и всё было замечательно. И ты уходишь окрылённый: какая она умница! как здорово провели вечер! А потом уходишь — и что-то жмёт, жмёт, жмёт. Что ж такое было? Ну что ж такое было? Что-то незаметное мелькнуло, где-то в подсознании застряло. Потом вспоминаешь, что однажды, между прочим, ты поймал её взгляд, когда она на тебя смотрела в зеркало. А взгляд был о-ох какой! Совершенно другой. Это промелькнуло, как случайность, а потом именно оно начинает расти, расти, расти и открывает всю суть происходившего дурацкого этого самого посещения. Понимаете? Вот так. И вот в неискренней песне, как автор ни хочет понравиться окружающим, где-то постепенно начинает возникать раздражение — что-то он кокетничает, что-то обыгрывает: или свою бурность и бравурность, или этакие мужские... такое мужское распрямление плеч и выпячивание грудей белых, или даже такую своею слабость, этакую надземность — не от мира сего. Вот такие дела. Или вдруг он впадает в антиквариат: когда у него словарь совершенно другой — какие-то там «журфиксы» дружеские, «суаре», «канапе», «манжеты», «горжеты» и прочие дела. Там, «бра» очень нравится. Ну а что такое «бра»? «Бра» — это подсвечники прежнего времени: тогда делали такие, сейчас такие. Таким нафталином начинает попахивать. Сейчас все начали кокетничать родословными, все ищут каких-то там графских предков. Нету их — их выдумывают. И так далее, и так далее... Вот начинают с таких слов. Тебе дают залежалый товар. На дурака рассчитанный.

Значит, прежде всего песня должна быть искренняя, если уж пишешь не по каким-то побочным причинам — по причинам, лежащим внутри самого написания. Не внележащим, никакого точного адреса, не к кому-то непременно, когда вы не знаете адрес клиента, а когда песня начинает рождаться потому, что она поётся. У Тютчева есть стих, там есть такая мысль великолепная (я перевёрнуто скажу, одна информация голая): «Я не знаю, о чём я буду петь, но только песня зреет». Вот как начинается настоящая песня! Настоящая песня начинается

задолго до того, как она проявляется в словах. Это внутри начинаются какие-то процессы образные, какие-то перебалтывания, какая-то музыка начинает звучать раньше, чем само слово. У меня есть такая песня «МАЗы». Это такие большие грузовики. Она у меня, знаете: написал одну строфу, и она у меня застряла, и несколько лет я не мог к ней вернуться, и не мог понять — почему? У меня было такое там, такие строчки:

Видишь... на паперти неба
МАЗ трёхосный застрял в грязи.

И я застрял. В той же самой грязи. Ничего сделать не могу. Что такое?! И года через полтора или два я вдруг понял, что всего одно словечко — «на паперти» — из другой оперы. Я чувствовал, что напишу оду этому МАЗу, этому водителю МАЗа, потому что где-то во мне зрели строчки, о которых я даже не подозревал:

Знаешь, крошка, зачем я гордый? —
Позади большой перегон.

Я ведь даже не знал о их существовании, но я знал, что родится такое отношение вот к этому всему. Ну и возвысил — словесно, литературно, книжно. Это «паперти» — это уже пошёл нафталин. В данном контексте. В другом контексте это хорошо. И только когда я догадался написать:

Видишь, крошка, — у самого неба
МАЗ трёхосный застрял в грязи.

И тогда это дело пошло. Это пошло трудно, но по-другому. Я, наконец, начал отсеивать слова к этой теме, которая сначала была без слов, она выражалась неизвестно как...

Вот какая штука. И вот я люблю такие песни, которые написаны без предварительного плана. Потому что если я сначала изложу, так сказать, сюжетец, а потом его зарифмую, то мне кажется — это дело никчёмное. Ну если хороший сюжет — ну расскажи о нём! Теми же самыми словами, которыми записал. Зачем превращать в стихи?..

Песня, она уже видна, когда ты пишешь. Не потому что ты, как дурак, шёл наобум, нет, а потому что ты нащупал сло-

вами то состояние и искал тот словарь и ту пластику, которые были бы адекватны тому, что ты чувствуешь. Хоть приблизительно. До конца никогда не получается — бесполезно мучиться. Просто в какой-то момент понимаешь, что — всё! на этом этапе я — весь! Больше сделать нельзя. И вот когда такая песня получается, даже если она просто эстрадная, откровенно говоря, шутка, то вот эта песня не только искренняя, но и прелестная. В ней появляется какое-то новое качество. Я беру самый простой пример. А тем более со сложными песнями, со сложными темами, со сложным набором мыслей. Если я распланирую какие-то тезисы, которые я потом изложу в рифму, это никому не надо. Потому что пропадает образ. Что такое образ? — не знает никто. Никто не знает. Нет. Есть десятки приблизительных, скоропалительных определений, а что такое образ, не знает никто. Там, «образ Ольги», «образ Татьяны»... Да образ Ольги, образ Татьяны, про который мы пишем в сочинениях школьных, они зародились гораздо раньше, чем были написаны. Вот как Тютчев говорил: «Не знаю, о чём я буду петь, но только песня зреет». Это не просто плод опыта житейского: он (Пушкин) уже так мыслил, обдумал и — «дай-ка я напишу такую вещь!». Ничего подобного! Многие брались — не получалось. А в осадок выпадает вот только такое — и в стихе, и в песне, и в картине, и где угодно. Пожалуй, это будет наиболее общий ответ. Когда вот такое в песне просвечивает, чувствуется, это даже не то, что Хемингуэй говорил: на поверхности одна часть, а остальные растекаются жижей где-то там под водой. Это не то. Это арифметический подход. Да, действительно, есть глубина. Но не в том дело, что как бы из большого материала отобрано небольшое количество слов. Можно из большого материала, красочного, отобрать небольшое количество слов — и будет сухость дикая. В искусстве штука эта не срабатывает. Нет. Это наоборот. Это какое-то, пожалуй, наиболее точное подобие, когда твоему душевному состоянию соответствует вот этот ритм, этот словарь, эта тематика, уже выразимая словами, эти мысли и так далее. Вот такая штука. У Маяковского

есть статья, раньше её знали все, она была почти хрестоматийной, сейчас как-то о ней не слышишь — «Как делать стихи». Это он рассказывал, как у него получились стихи на смерть Есенина. Так вот это всегда сбивало с толку литературоведов, по крайней мере, в моё время. Я уже давно их не читаю — они ничего не дают. А сбивало с толку, потому что — вроде бы он программный поэт, он всегда отчётливо знает, про что пишет. И здесь знал, что напишет на смерть Есенина. Знает, что стихом опровергнет — он не согласился с такой смертью и так далее. И об этом в стихе написано. А вначале он пишет, что у него не получалось ничего, потому что он жил в каких-то гостиницах, настроение было похожее на настроение Есенина, когда он покончил с собой, не было протеста внутреннего. Совпадающие какие-то моменты были. И однажды он шёл по улице, где много людей, и вдруг в нём начал зреть ритм. И там был этот ритм какой-то:

Ра-ра-ра-ра-ра-ра, врезываясь,
Ра-ра-ра-ра-ра-ра, трезвость.

Какая «трезвость»? Какая «врезываясь»? Какое это имеет отношение к Есенину? Никому не известно! Искусствоведы тут ломают ноги всегда. Потому что — ничего себе начало программного стихотворения, которое потом получилось! А он просто честно записал: было так. Дело всё в том, что он почувствовал ритм сначала, и этот ритм начал примагничивать эти словечки. В данном случае, «врезываясь», «трезвость» — и пошёл потом проясняться смысл этих слов. И получился стих. Причём интересно, что в данном случае он даже чётко знал адрес клиента. Но так как он был великий поэт, он не торопился: он знал, о чём он напишет. Знал состав идей. Но так как он был великий поэт, он не торопился эти идеи излагать, даже в рифму, а он ждал, когда придёт вот то самое, которое их выразит. Вообще-то он точку приезда знал, пункт назначения. А сплошь и рядом есть стихи, где неизвестно, куда человек придёт, конечный пункт неизвестен, но он начинает писать и по дороге догадывается. Вот Есенин говорил про Маяковского: «Маяковский — поэт ДЛЯ чего-то, а я — поэт

ОТ чего-то!» Видите, и так бывает: целиком весь поэт — ОТ ЧЕГО-ТО. Ну мне лично ближе вот эта штука, когда выяснение темы — это есть финал работы, а не начало. Вот так.

Ваше отношение к Окуджаве, к Вертинскому? Исполняли ли Вы им свои песни?

Нет. Это на последний вопрос. Я им песни свои не исполнял, потому что я ни с кем из них не был знаком. И сейчас с Окуджавой не знаком. Как-то так вот получилось, что мы с ним параллельным ходом шли. Так что на этот вопрос мне нечего ответить.

Ну как, Вертинского и Окуджаву совместно или поврозь? Это разные совершенно люди, вы сами понимаете. Ну ответ заключён в самом вопросе уже. Это разные люди, разные дарования, разные направления. Странно, что как-то мне в голову не приходило, — автор записки объединил их под одним крылом, что ли. Ну не знаю. Может быть, у обоих есть немножко петербуржское такое вот начало, ленинградское, печальное какое-то. Ну это мне не свойственно. Знаете, я не агрессивный, но я в обороне жёсткий, поэтому по-другому как-то пишу. Трудно со своей колокольни судить о творчестве другого поэта просто. Это, я помню, у одного журналиста дома мы с ним вместе работали — у него двое детишек были. Из школы приходит какой-то из этих двух младенцев. А маму его вызвали в школу вот за что. Им задали написать фразу в повелительной форме. И этот щенок написал: «Дайте копеечку!» Прекрасно идёт. Форма повелительная. Но... но по сути вот получился конфуз. Значит, маму вызывают по этому поводу. А я вспомнил, что в наших краях в войну там, на Благуше, такой же был конфуз, когда в повелительной форме один пацан написал: «Кошелёк или жизнь?!» Вот, по-моему, разница между этими двумя направлениями: один говорит немножко проще, другой немножко требовательнее. Это не обидно ни для какого направления, потому что каждое направление удовлетворяет какую-то потребность души.

Я очень люблю слушать Окуджаву. О-очень. Печаль какая-то охватывает, грусть и так далее. Действительно, здорово.

У него есть прекрасные вещи — о виноградной косточке и так далее. Это, действительно, прекрасная песня. Я люблю слушать, но никакими силами меня не заставили бы это написать, потому что просто мне это не дано. Я просто это не могу. Без всякого кокетства. Мне этого не дано: я не умею вот так печалиться тихо. Я начинаю печалиться тихо, потом я зверею. Если я печалюсь за кого-то, за себя — я могу ныть, ныть сколько угодно, но мне кажется, что искусство — это... Кстати, к Окуджаве это не относится совершенно. Это именно искусство. Это, действительно, серьёзное, большое искусство. Но бывает, что человек аргументирует так: «Дай-ка я изображу неприятные происшествия, которые со мной случились, — и будет хорошо!» Хорошо не будет. Искусство — не жалобная книга. Понимаете? Не жалобная книга. Можно писать любые трагические вещи, но только когда ты их преодолел, когда тебе есть сказать нечто большее, чем просто описание твоих неприятностей. Ну а моя метода такая. Дома я могу ныть, ныть, страдать... Но — тут ещё немножко позиция. Знаете, так: лошадь пропала. Да, мне худо было. «Ну что ж ты не пришёл, не поделился?» Я говорю: «Здрасьте!..» Поделиться чем похуже, знаете. Я предпочитаю поделиться, когда мне хорошо и я могу разделить с друзьями радость. А то мне самому плохо, да я ещё на друзей повешу! Оклемаюсь как-нибудь. Ну и отсюда, значит, совершенно другое направление. Я могу ныть сколько угодно, но когда уж накатывает песня, даже печальная, даже трагические какие-то вещи, когда накатывает песня изнутри, то я начинаю по дороге сопротивляться, и эта песня — о сопротивлении тому, о чём написана. Ну это просто разные характеры. А чем больше разных характеров, тем лучше, Господи, сами понимаете. Подохли бы со скуки, если б все одинаковы были.

Может ли художник, пробивая путь к добру, писать о зле, чаще видя плохое, чем хорошее?

Да, вот частично я про это сказал. Но опять же, я ведь — делаю оговорку — не могу это отрицать, сами понимаете. Каждый нащупывает свой какой-то ход, какую-то тропу там

и так далее. Но это моё частное мнение. Оно довольно часто подтверждается... «Может ли художник писать о зле?» Почему же нет-то? Почему же нет? Но мне кажется, и я на этом стою, что искусство — ещё раз — не жалобная книга. И если ты пишешь о зле, это значит, где-то должна — либо прямо в словах, либо в пафосе вещи — ощущаться некая позитивная программа: что ты можешь этому злу противопоставить. Ну это очевидно, все видят. И если я напишу то, что знают все, — я для песни не созрел. Потому что если сказать: вот зло, вот то-то то-то плохо, а меня могут спросить из зала: «Ну правильно. А что ты предлагаешь? А что ТЫ предлагаешь?! Да, действительно, так. А что ты предлагаешь?» Если не знаешь, что предлагать, хотя бы смутно, хотя бы приблизительно, а лучше — чтобы это дозрело до прямого предложения в тексте слов или просто в пафосе вещи, тогда можно писать. Мне так кажется. Так что зло — это просто материал для добра. Зло в искусстве — это доказательство каких-то высоких истин путём отрицания. А если просто — описание зла: мне и так плохо, а я ещё буду это читать — безвыходно, безнадёжно и без даже проблеска какого-то выхода — хоть в тоне вещи. Не знаю, я такую вещь не воспринимаю. Вот такие дела.

Нам кажется, что Владимир Высоцкий в самом начале своего творчества испытал Ваше влияние. Что Вы думаете об этом? Скажите, пожалуйста, как Вы относитесь к его творчеству? Не могли бы Вы вспомнить о встречах с Высоцким?

Во-первых, о размерах дарования. Я считаю, что это огромное, гигантское дарование у этого человека было. Даже както странно говорить — «было». Оно при нём и осталось. Я вообще думаю, что дарования такого размера не помирают, а только рождаются. И думаю, что это не в переносном смысле, а так — чисто делово, практически, так сказать. Потому что если человек достаточно полно сливается с тем, что он делает, то не просто дело его переживает, а оно живёт, циркулирует, возобновляется, обновляется. То есть с ним происходит то же самое, что с живым существом. Это о размерах дарования.

Теперь. Ну какие встречи? Встреч много было. Примерно до... Я вам сейчас скажу. Даже не соображу, до какого года. Вот когда он женился — в 70-м, что ли. И потом как-то нас судьба развела, потом больше не встречались. Хотя мне передавали его доброе мнение обо мне. Но я надеюсь, что ему передавали моё доброе мнение о нём. Что касается встреч. Ну какие встречи были? Я тогда ещё в Таганке бывал довольно часто — там несколько песен у меня взяли для спектакля, который назывался «Павшие и живые». Одну песню там пускали в записи просто со сцены. Она громкая такая была, не тихая. А вторую — «Девушка, эй, постой!», про безногого — пел Золотухин.

Ну и на этой почве познакомились. Там я как-то сразу всё понял: что потенции огромные и что надо не мешать ему их раскрывать.

Что касается самого направления. Те песни, которые я слышал вот в те времена, мне нравились. Ну как нравились — это я сказал, так сказать, «во первых строках моего письма», потому что это не просто нравились — это настоящее было. Он одной фразой делал то, на что для других потребовалось десяток фраз. Они страшно ёмкие. Опять тот же разговорный язык, доведённый... Когда это слышишь — из разговорного языка вытащенные его поэтические возможности, художественные. Потом песни... Я настолько отошёл от всего этого, что и песен мало уже слышал. Мне говорили — у него что-то чуть не 500 вещей. Я такого количества, конечно, не знаю, то есть, очевидно, не знаю большинства, потому что за то время, я думаю, с сотню песен было написано. Какие-то отдельные песни я слышал и потом. Вот, например, великолепная совершенно песня про этих вот, про акробатиков — про цирк. Значит, вот эта пара разговаривает между собой. Ну что вы! Это сделано так — только руками разводишь. Блистательно сделано. Причём обоих жалко. Причём жалко даже не столько по общей ситуации, а по той минуте, из которой оба они не могут вырваться. Там есть такая строчка: «Придёшь домой — там ты сидишь!» Знаете, в этом сказано гораздо больше, чем в длин-

ных трудах по бракоразводному процессу. Вот это та потрясающая ёмкость, рука поэтическая. «Приду домой — там ты сидишь!» Ничего не надо объяснять — вот суть происходящего между ними. Она ему свои какие-то там долги, свои темы... Но дело не в аргументах, а дело в том, что они сами не знают, что друг с другом делать.

Потом прекрасную песню слушал на пластинке. Она такая непритязательная на первый слух, но это очень глубокая песня. Настоящая, крупная песня. Это «Москва-Одесса». Слушайте, да там всё поёт! Там ритм поёт! Ну прекрасная песня! Вот я её слышал. Ещё какие-то несколько, но немного, врать не буду.

Расскажите о Вашей работе на телевидении.

Когда меня уносит в какую-то область... Вот, я помню, унесло в кино — я книжки перестал читать. Потом стал книжки читать — перестал фильмы смотреть. Когда я в телевидение влез, я перестал смотреть и фильмы и перестал читать книжки. Ну я человек увлекающийся. Я влезаю туда по уши — другое от меня отходит. А потом задним числом навёрстываешь то, что пропустил. А после телевидения вот влез в прозу — я сейчас телевидение видеть не могу.

Что Вы сейчас делаете? Над чем работаете?

Ну проза. Длинная какая-то штука, измучила меня совершенно просто своей величиной и тем, что там ни черта не выкинешь. Её можно просто месить, топтать, трамбовать, трамбовать и довести до пластической ясности. Причём пластической ясности, соответствующей данной вещи, а не какой-то другой — не «Самшитовому лесу», ни каким-то другим вещам. Ну вот возня, не знаю: доползу или не доползу. Название могу сказать — называется «Пешеходная тропа». Пролежался весь, прокурился, устал, глаза болят, машина пошатывается: вот сейчас пару песен спел — у меня круги побежали. «Это не есть хорошо». Но, тем не менее, не могу от неё отвыкнуть: она во мне сидит, сидит, сидит... Как говорится, выживу — значит доползу. Ну не хочется, конечно, чтоб гора родила мышь. А что получится — поглядим. Это вот проза.

Михаил Леонидович! Большое спасибо Вам за Ваше творчество. Когда я прочитала «Самшитовый лес», я просто обалдела — в хорошем смысле слова. Вначале было как-то удивительно: чушь какая-то, ни на что не похоже. Но потом это был сплошной восторг, просто не хватает слов. Мы с друзьями смаковали каждую фразу. Очень было жаль, что скоро всё кончится, что снова начнутся будни. Ещё раз огромное спасибо. Расскажите, пожалуйста, как Вам пришла идея написать такое чудо? Знаете, после Ваших книг постоянно возникает желание жить по-новому.

Тут есть одна фактическая ошибка, существенная. Дело в том, что мне не приходила идея написать «Самшитовый лес». Это постепенно оформлялось в эту вещь под названием «Самшитовый лес». Может, название родилось даже немножко раньше, чем вещь была закончена. Но вещь писалась 15 лет. Ну какая уж тут идея! 15 лет это всё писалось. Причём я в данном случае не позволял себе просто взяться за шариковую ручку или за машинку, если не накопилось. Вот только когда приходило, вот чувствую, пошёл кусок — я тогда в копилку клал, клал... Я ещё не понимал, куда это всё ведёт: уж больно много идей там. Проблем, идей и так далее. Но ведь не проблемами живо искусство, а искусство живо впечатлениями. В том числе, от этих проблем. Потому что иначе бы надо было писать статью какую-то или публицистику. Это не моё занятие. Значит, надо было добраться до того впечатления, которое эти проблемы, эти идеи производили на меня самого. То есть опять через живое и опять через сердце. И так далее, и так далее. Так что идеи такой не было — написать «Самшитовый лес». Просто постепенно она, эта идея, сформировалась — вот где-то в самом конце. В самом конце. Причём буквально в самом конце. Эта вещь месилась и перемешивалась до самого конца. Иногда, значит, и такие конфузы происходят. Почему такая сложная форма — переброска во времени и так далее? Почему два времени идут параллельно, постепенно сближаясь, и выходят на финишную прямую? А просто выхода не было. Я совершенно спокойно мог расположить весь материал в хронологи-

ческом порядке. Там практически вся жизнь описана этого человека — с самого детства и до какого-то возраста, близкого моему. Но в хронологичеком порядке терялась вот эта тематическая сущность. И потом пришлось бы тем, кто читал эту штуку, читать длинное описание детства с некоторыми такими эскападами мальчишеского порядка. И прежде чем вы добирались бы до сути, вы бы устали по дороге. Это не получалось. Мне нужен был прямой стык. Прямой стык, так сказать, начала и финала этого какого-то этапа. Начала и финала. И поэтому образовалась такая форма. Вот и всё...

Мне кажется, что это глубочайшее научное заблуждение — попытка настолько усовершенствовать утюг или часы, чтобы они превратились во что-то живое — хоть в блоху, не то что в человека. Пройдёт какое-то время, и это просто обнаружится. А философски это просто невозможно. Потому что у них разные категории движения. Из суммы каких-то простейших движений одно движение не может быть автоматически сложено. Просто в философском смысле не может быть сложено — любым способом, любыми стараниями — в движение высшего качества. Вот в чём дело. Это непереходимая разница. Поэтому надежда на то, что не хватает какой-то подробности: вот завтра, вот завтра найдут... Этот белок, который уже синтезируют — завтра он чего-то там захочет. Принципиально невозможно, мне кажется. Он никогда не захочет. Такая штука. И, значит, наше дело — вот моё и ваше, поскольку, как я понял, мы занимаемся одним делом, — это отстаивание живого против автоматизма в переносном смысле, но не только, а против просто машинного подхода к человеку и так далее. Это просто бурное развитие технической и научной мысли в естествознании, оно вот создаёт иллюзию, что завтра найдётся последняя подробность — и всё уладится. Ничего не уладится. Пока не вернутся к живому как к живому и не начнут его изучать именно как живое, как качественно особое, с места дело не сдинется. А когда начнут этим заниматься всерьёз, вот тут наш опыт, вот наши эмпирические груды наслоенного опыта за всю историю искусства, во всех видах, вот тут-то без нас уже не обойтись. Потому что действительность накопила такое ко-

личество всего, что хочешь не хочешь — придётся суммировать, изучать и так далее. Поэтому, мне кажется, мы всё-таки для чего-то нужны, даже в наш технический век. Просто нам надо проявить терпение. Потому что тяга к этому уже образовалась, и, значит, начнёт заниматься и наука в результате. Наука же должна заниматься всем, в том числе и человеческой сутью и так далее. Сутью живого. Так что мы вот ЭТО отстаиваем. Мелькали какие-то вопросы, а я чувствовал, что где-то в них такая вот тема. Мне кажется, я должен был эти слова сказать. Потому что спросили про «Самшитовый лес» — так эта вещь посвящена вот этому. Там подзаголовок «Роман», но это дали название в редакции, а у меня был подзаголовок «История фантастического упрямства». Это вернее выражало тему, но меньше выражало жанр. Но пошли на название жанра...

И всё-таки — о телевидении...

Пожалуйста, могу сказать. Дело было так. Мне давно предлагали что-нибудь на телевидении сделать, но я выкручивался, потому что — ну не нравится мне то, что идёт. Ну не нравится! Ну что я буду делать то, что мне не нравится? Почему не нравится — не мог понять. А когда понял, почему не нравится, тогда подумал, что можно попробовать. О результатах этого дела, захотите, можно сказать отдельно. В чём был посыл? Посыл, честно, был — тут совесть чиста. И вы сейчас поймёте, почему это действительно так, — есть аргументы. Я начал эту штуку только тогда, когда догадался, чем отличается телевизионный зритель от кинематографического и театрального. А между ними своя разница. Между зрителем кино и театра — своя разница, но он, зритель кино и театра, в целом, отличается от зрителя, который смотрит телевизор. Пока я этого не понял, я не брался. Знаете, чем? Как всегда, истина простая оказалась, она под носом. Вот, говорят, истина под носом, и её не замечают. Так правильно! Мешает чванливо задранный нос. А когда нос не задран, тогда её замечают. А дело, оказывается, самое простое. И вроде бы техническая, а на самом деле — глубочайшая разница. Человек идёт в театр и в кино, когда ему дома вот так надоело. Он хочет вырваться

на люди. По разным причинам. Могут быть самые различные причины, но факт один: он хочет вырваться из дома, он хочет побыть в окружении многих людей. В кино и в театре по-разному, но целиком — он хочет побыть в окружении многих людей и совместно с кем-то воспринимать какие-то впечатления. И главное — он хочет вырваться, ему дома надоело. Он тогда выстаивает за билетами в театр или в кино. А если не надоело, он не пойдёт ни в театр, ни в кино. Никакие общеобразовательные задачи его не влекут — его влечёт прямое желание испытать театральные или кинематографические впечатления. А вот зритель, который садится к телевизору, — ему надоела толчея: за день, за работу, в троллейбусах — я не знаю. Я не беру технические случаи, те случаи, когда у вас телевизор — единственное зрелище, где-то совсем далеко от таких вот зрелищ. Таких всё-таки всё меньше и меньше, по крайней мере, для кино. Ему непереносима толчея. Он устал. Нужна какая-то оптимальная норма — и уединения, и общения. Так вот это такой маятник. Когда ему это дело надоедает, он садится к телевизору. Это другой зритель: с ним другой разговор, другой темп разговора, другая проблематика, другая трактовка даже той же самой проблематики, другая речь и так далее, и так далее, и так далее. И ещё одно обстоятельство. Вещь, которая будет написана для телевидения, неминуемо пойдёт в окружении хроники. То есть телевидение, дальновидение — показ того, чего под боком не видно: от диктора до футбола, до хроники, до научных передач и так далее. Значит, она пойдёт в окружении. Он, конечно, может выключать. Ну как в театре — он же не смотрит ничего другого, в кино он такую хроняжку вначале только терпит, знает, что это закусочка. А главное — он терпит. Интересно — хорошо, нет — он её пропустит, разговаривая с соседом. А дальше смотрит то, из-за чего пришёл. А в телевидении практически невозможно удержаться: по инерции либо раньше начинаешь, с чего ты влезаешь в художественную передачу, либо по инерции <...>

<...> Не нравится — он пошлёт куда подальше, и будет прав. Он дома у себя. Вот есть такой юморист Хазанов, очень

смешной человек и очень хорошо всё делает. Один прокол у него был. Он задумал высмеять человека, сидящего у телевизора. Он высмеивал его необразованность и так далее, что он смотрит все передачи. Это всё, знаете, пена, это он до воды не добрался. Но там была одна поразительная острота, просто из такта я бы её не употреблял, которая сразу как-то проясняла эту картину. Ну что ж ты, милый, ну что ж ты делаешь! А всё смешно, действительно, смешно, ничего не скажешь. Очень остроумный парень. И вообще, концерт по телевизору без Хазанова как-то уже даже не смотрится. Значит, там — «Сажусь я к телевизору...» Ну всё на таком на жаргончике упрощённом, непременно примитивный человек. Ну ладно, это на его совести. Садятся всякие — и такие и сякие. В конце концов, он не обязан любить тех, кого я люблю, а я не обязан тех, кого он. Это его дело. Но там была одна деталь — жестокая, несправедливая. «Сажусь я к телевизору, опускаю босые ноги в тазик с горячей водой и смотрю...» Милый ты мой! Если человек опустил ноги в тазик с горячей водой, значит, он весь день простоял, и они у него гудят, и надулись жилы. Как у тебя язык-то поворачивается! Какой бы он ни был: образованный, необразованный, примитивный или там разный — какой хотите. Но если он опустил ноги в горячий тазик — эта деталь переворачивает всё. В искусстве так: одна деталь — всё. И всё меняет свой смысл. Это жестоко и несправедливо. Это значит, он реально трудился весь день и сел, наконец, опустив ноги в горячую воду. И дальше уже не его вина, ЧТО ему показывают. А дальше ему показывают то, что мы сделаем. И если мы сделаем муру, он и смотрит эту муру, потому что у него нету сил физических. Значит, если мы хотим, чтоб он смотрел ТО ЕЩЁ, то мы должны делать ТО ЕЩЁ. Это смех не над ним — это смех над нами. Вот какая штука. Вот с чем я не согласен в этой остроте. А отсюда уже — другая позиция. Ну сейчас со всех амвонов насчёт нравственности болтают. Это вопрос сложный. Называйте это нравственной позицией, называйте какой хотите. Человеческой. Безразлично. Отсюда — позиция. Это значит, я не имею права начинать писать вещь, если я не люб-

лю зрителя, который сидит у телевизора. Он дома, и ничего не поделаешь. Удачи могут быть, неудачи могут. Такая форма, этакая — дело десятое, это всё семечки. Основа такая: если к нему в дом я лезу, не любящий, и он это чувствует, что я его не люблю, что внутренне он мне чужой, что я на него смотрю сверху вниз и разговариваю с ним через губу, не спасут никакие мудрые мысли, никакие персты, никакие указательные пальцы, никакие призывы к добрым нравам и всякое такое. Никакая критика и так далее. Он устал от этих критик! Он приходит и думает: «Господи, ну что-то хоть во мне есть хорошее?! Вот этот телевизор сделал я, а теперь меня по телевизору ругают, что я его смотрю, и вообще, что я его купил. Я — «мещанин и обыватель». Показывайте по телевизору что-нибудь стоящее, вот я и не буду мещанин и обыватель — я буду только классику смотреть! Ну где она, ваша классика-то?!» Значит, я должен садиться за телевизор, заранее любя этого зрителя. Не люблю — не берись! Успеха не будет! Никакая критика не поможет, никакие там допинги, никакие разносные статьи не помогут. Не помогут. И силком протащить нечто, сквозь которое сквозит пренебрежение к сидящему дома усталому, после работы, человеку... Усталому! Потому что к телевизору садится УСТАЛЫЙ человек. А если он не усталый — он хочет удрать из дома: он идёт в театр, в кино, на выставку, в музей — куда хотите. В консерваторию... Но если он устал настолько, что он уже не тянет, он садится к телевизору. Разваливается, если хотите, лопает в это время — и дай ему бог здоровья. Значит, если я ничего в нём хорошего не вижу, а он, простите меня, делает всё на свете, в том числе и телевизоры, и содержит всех нас, грешных, если я не найду к нему... Причём искреннего, не наигранного, не сюсюкающего, а на самом деле. Вот если он мне не нравится — ну не нравится, и всё! — я не имею права браться за такую работу. Вот такая штука. И это обязательно просвечивается.

Теперь «День за днём». Знаю всё, что можно по этому поводу сказать, про все неудачи. Но там было одно обстоятельство, очень важное. Там от меня зависело очень немногое. Там

чересчур большой аппарат, который вносит поправки, волосные поправки: на волосочек, на полмизинчика, но всё время уходит в сторону. Сколько мог, я боролся. Вот 9 серий первых я боролся кое-как, потом всё больше уставал, уставал, и всё это сникало, сникало — я махнул рукой потом. Но вы не обязаны мне верить. Не могу же я бегать по Москве с плакатом: «Граждане! У меня было лучше!» Ну каждый — кто верит, кто не верит. Смотрят результаты. А результаты такие. Возьмём зрительский успех. Знаю, принято хорошим тоном считать, что широкий зритель — это успех. Это какая-то бяка! Когда бяка, когда нет. Важно — из-за чего успех. Так вот, торопливые люди не углядели, что вся эта вещь — это прямой напор мысли, это философия, а увидали чисто внешние, бытовые подробности. Я раз столкнулся с одной критикессой, которую я просто позвал посмотреть, когда был просмотр на телевидении. И вижу, она треплется с кем-то. И уже пишет, пишет... Всё ясно, господи боже мой! — ну кастрюльки там какие-то мокнут, там на кухне дело происходит... Всё ясно. Я её локтем толкаю: «Да погоди! Ну ты посмотри!» «Да-да-да-да!» — вежливо — и пишет дальше. У неё уже готовая рецензия, уже примеры приведены. Знаете, как в своё время с брюками: с узкими брюками плохой человек, с широкими — получше. Потом наоборот поменялось всё. Вот у неё гарантия идёт, она наперёд всё знает. Есть параметры: совпадают — плохая, не совпадают... Потом мне говорит: «А где Анчаров?» Я говорю: «Да вот он я!» — «Нет, а где форма?» Я говорю: «Вот она!» Применительно к данным обстоятельствам...

В результате было такое. Города опустели. Впрямую. Ну не может быть, чтоб от чистой халтуры пустели города! А потом — мешки писем. Мешки! Думаю — если б вам пришли мешки писем вот такого содержания, вы бы не устояли. Знаете, становится как-то наплевать на всё остальное. Ведь меня ж хвалили не за то, что я краса́вец посредине телевизора или пою там: «Мы лесорубы ха-ха-ха-ха...» Не за это хвалили!

Вам самому это нравится?

Сложный ответ может быть только. Сложный ответ. Я сложно и отвечаю: и нравится, и не нравится. Мне нравится вот что:

что получился один эксперимент, и если в более благоприятных условиях он повторится, сознательно только, без борьбы за сам этот эксперимент, я думаю, что это единственный путь телевидения. Сейчас объясню, какой. Первое, что я узнал, — это очень важно. Я не занимаюсь тем, что: «А знаете, граждане, меня хвалили!» — это дело десятое. Тут важно само качество происходящего... У нас электрическая сеть по всей стране, и когда в одном месте требуется бóльшая мощность, туда подкидывают из других мест. Вот электрик сидит на этих пультах. И у них программа телевизионная, и отмечены там: бокс, иностранный футбол — ну наши с кем-то сражаются и так далее. Детектив. Они знают: мгновенное включение двухсот миллионов телевизоров — сразу в сети падает напряжение. Они это предусматривают по программе — и подбрасывают туда. Всё тихо, программа тихая, мирная. Упало наряжение! Что такое?! Кино, если смотреть? Да нет, ничего особенного: какой-то телевизионный спектакль «День за днём». Так было три дня подряд. Они всё искали аварии в сети и так далее... Бегают по экрану какие-то люди, сидят на кухне, чего-то болтают. Тётя Паша, дядя Юра. Ну обыкновенные вещи. Что такое?! Из-за чего там шум такой? Непонятно. На третий день просто чисто эмпирически включили, добавили мощность — всё наладилось. Это первое было. А потом пошли эти мешки. Я и сейчас не знаю, что с ними делать. Обревёшься. Обревёшься! — это не просто: тебя похвалили — тебе приятно. Конечно, приятно, когда хвалят. И что выяснилось — выяснилось, что эксперимент — в основном, в главном — удался. А в чём? Я ж не выдумал многосерийник — он был и до меня. Новинка не в этом, новинка в том, что я сказал: что я почувствовал, в чём разница между двумя видами зрителей. Но это могло и не сказаться на бумаге. А новинка вот в чём. До этого незадолго прошёл прекрасный многосерийник «Сага о Форсайтах». Перед этим выступал искусствовед, который нам рассказал историю английской литературы, и место Голсуорси, занимаемое в оной, и место этого романа. С величайшим почтением было всё поставлено, причём прекрасно смотрелось. Действительно, хорошая многосерийка. Но... две вещи. Вот я смотрю «Сагу о Форсайтах» и вижу — прекрасный

актёр Эрик Портер. Он играл Форсайта. Прекрасно играл. До середины серийника. А там 23 серии. И вдруг я вижу: он ничего нового не даёт. Ничего не даёт. Он так же прекрасен, но нового не даёт. Мы его успели полюбить — и актёрски, и как персонаж, за что и полюбили, он всё переиграл. Он очень симпатичный, мы его смотрим с удовольствием. Но нового-то не даёт! Всё. Конец. Так же опускает губы вниз. Во всех ситуациях мы заранее знаем, как он себя поведёт: вот он — такой, вот такой, вот он такой, и мы знаем, какой он будет в этой серии. Почему? Потому что они знали всю вещь с начала до конца. Во-первых, в чтении, поскольку вещь широко известная, они её заранее знали. А потом — знали сценарий. И они актёрски распределились. Любой актёр, когда ему дают роль, он должен как-то распределиться: какие краски здесь, какие здесь — его должно хватить на всё. А на 20 серий ни одного человека хватить не может! Не может. И у него наступил стоп: он отыгрался весь до середины, а дальше он повторял. Просто он симпатичен, сюжет поддерживает. Мы его с удовольствием досмотрели. Но нового не было. Всё. Искусство — стоп. А у меня выход? У меня Эрика Портера-то ведь нету. Во-первых. А во-вторых, я просто этого не хотел. Я проделал такой номер. Единственный раз мне это удалось — в первых 9-ти частях. Дальше уже пошли поправочки, пошли обучения меня. Началось со сценария. Мне предложили одну серию. Ну я её написал. Тогда разговор не шёл о многосерийнике, просто вот такую вещь. Написал. Тогда был другой начальник, его потом куда-то убрали. Такой голубоглазый, вытаращенный немножко, розовенький такой весь — и ничего не понимающий. Он говорит: «Вы знаете, — бодро сказал так, — нам понравилось то, что вы написали, но за одним исключением» — «За каким?» — «Ну слушайте! Вот то, что... какой-то быт — это нужно: семья, проблемы брака... — это всё нужно. У вас тепло написано. Но знаете, вот такая штука — зачем вам коммунальная квартира?!» — «То есть как?» — «Ну как же! Наша страна строит новые дома, новые квартиры дают, а вы, понимаете, о...» Я говорю: «Слушайте! Да новые квартиры и новые дома строятся в любой стране. Не в этом фокус, а фокус в том, что, несмотря

на скученность, в коммунальной квртире... В обыкновенной коммунальной квартире очень тяжко бывает: люди ссобачиваются, грызутся всю жизнь, звонков в дом — как пупочек на баяне, и кому сколько звонить... А я показываю квартиру, где люди, несмотря на скученность, оказались высокими людьми. Высокими людьми, понимаете? В этом вся изюминка. Сними коммуналку — всё пропадёт: ну живут и живут!..» Ну отбился кое-как. Его тут поменяли. Значит, отбился. И делаю. И дальше пошло.

Потом, когда я сделал первую и её поставили, попросили сделать три. Сделал вторую — попросили сделать шесть; сделал третью — попросили сделать девять. Я сказал — стоп! Но дело так. Никто не знал, что будет дальше. Это можно сделать только на телевидении. И один раз мне доверились — и получилось как надо. Актёрски по-разному, режиссёрски по-разному, но в главном получилось как надо. Почему? Я им не давал распределяться. Мне режиссёр говорил: «Ну слушай, ну я же режиссёр! Мне-то ты можешь сказать, что будет дальше?» Я говорю: «Нет! Вот ты шёл по улице и нашёл листок из пьесы из неизвестной. Ты можешь срепетировать этюд? Можешь! Вот так и репетируй!» — «Ну как же...» Я говорю: «Не лезь! Не лезь!» Он мне говорит: «Специфика телевидения...» Я говорю: «Где она, специфика телевидения?! Если есть специфика телевидения, значит, есть и удачи. Покажите мне эти удачи!» А их нет. Ну, значит, рано говорить о специфике. Я эту специфику только нащупывал. И вот я писал, актёры не знали, что будут играть дальше, поэтому с полной отдачей отыгрывали данный кусок данной серии. А я уж к ним присматривался, на что они способны: что им идёт, что не идёт, какие у них характеры, и дальше начал писать на них как на людей, беря актёрски у них только то немногое, что они могут. Поэтому я им накопил характеры. Вы не знаете исходный материал актёрский. Там были люди, которые ни в жизни, ни на сцене практически почти ничего не могут сделать. А у них там характеры накопились, даже на таком материале. А тем более, когда грим... и так далее. И они не знали, и я им поворачивал, поворачивал, всё время вертел это дело таким образом, что каждый раз они в новых про-

явлениях выступали. То есть я им накопил личности. И они сыграли личности там, где если бы дать им в полном объёме, они вообще ничего не сыграли б — они бы начали повторяться с третьей реплики. Вот какая штука. И этот эксперимент удался.

Потом, значит, это совпало с каким-то неожиданным успехом. Я не рассчитывал на это. Абсолютно. Просто так получилось. А вы знаете, как успех? Он наваливается. И тут меня начали учить. Во-первых, на меня навалились сделать продолжение. Вот не могу, всё, тема закончена. Я показал группу людей, которые ведут себя высоко, сидя на кухне. Это не фокус вести себя высоко где-нибудь там в лабоЛатории. А высоко в обыкновенном быту, да ещё в коммуналке вести себя — вот это высоко. И мне эта критикесса сказала: «Бытовая вещь!» Я говорю: «Слушай, а как ты определяешь — бытовая или не бытовая?» — «Ну как, действие происходит на кухне...» — «Ага! Слушай, — говорю, — а если вот такой пример. Люди улетели на Марс, и у них там помещение какое-то, где все в куче живут — и гадят друг другу. Это бытовой материал или не бытовой?» Она сгоряча оскорбилась и сказала: «Нет, не бытовой!» — «А-а, значит, бытовой, он отличается местом действия: кухня — бытовая, Марс — не бытовой? Ты прослушала главное! Это всё время идёт философия жизни, высказанная разговорным языком». Потом это определили как «речевой концерт» — те, кто всерьёз думает. Там шла разговорная речь, вся в красках. А потом начали это чистить, чистить, чистить. Мне в одной вещи вырубили, это не показано даже было, а было сказано. Герой такой, мясник, он пришёл свататься. Парень. Роскошный такой у него чешский перстень на одной руке, а на мизинце — длинный ноготь. В этот ноготь вцепились со страшной силой! Почему-то нужно было его вычеркнуть, до сих пор не знаю, почему. А это всё краски, краски — это всё отжило. И начали постепенно сушить. Я месяца два отказывался от второго серийника. А время шло. Его можно было выполнить только в следующий год. Но где-то сдался. Разговоры были настолько серьёзные на разных уровнях — и я где-

то сдался. «Ну ладно, давайте делать! Тряхнём ещё». А я уж вымотался весь. «Тряхнём. Попробуем». И тут на меня навалилась мелкая редактура. Не начальство, нет, — оно относилось совершенно спокойно к тому, что я делаю. А вот мелкая редактура то ли самоутверждалась, то ли что: выдай и положь им производственные отношения. Покажь — хоть косвенно, хоть прямо — производство. «Ну как же так?! Ну всё время дом, дом, всё время — дом!» То есть приставание того же уровня, какое было у этого блондина с голубыми глазами, который хотел коммуналку выкинуть — главное, на чём держалась вся штука. Сколько я ни объяснял. Когда я описываю частный случай, вот такую коммуналку, то это не враньё — я такие коммуналки сам знаю, на самом деле. Больше — мне письма писали. Одно письмо было даже напечатано где-то в журнале «Радио и телевидение», какой-то есть журнал такой. Там было напечатано письмо, где люди вспоминают такую квартиру, как они все жили, как они сроднились все. Да, вначале враждовали, как чужие, потом сжилися, просто переплелись: на свадьбах играли, хоронили... И я думаю, ну мало ли, может, выдумала чего-то, может, нет. Но она вот такие факты приводит. Там упоминается фамилия какого-то художника, мальчик тогда был, на «Л», известный какой-то — Лапшин, Лакшин — не могу вспомнить. И ещё — по коридорам ездил мальчик на трёхколёсном велосипеде. Все его звали Родик, а сейчас он известный драматург — Розов. Ну, думаю, тут уж не врёт, потому что Розов всегда может опровергнуть. Я такие квартиры знал. Редко, но бывало. Но когда я пишу такую квартиру и в неё вникаю, то в ней, как в капле воды, видно вот то самое, ради чего стоит вообще затеваться. А когда мне производство начали втаскивать, эти отношения, вот такие редкостные, удивительные отношения, начали становиться из уникальных как бы всеобщими — начало накапливаться враньё. Потому что начало получаться — вроде бы все, как всюду, а это-то уже враньё. Я писал исключительный случай, а он, оказывается бывает — как бы бытующее правило. Начало накапливаться враньё. Кое-как выкрутился в следующих сериях, но уж с бóль-

шим трудом. Тут уже в принципе трудно выкарабкаться. А потом попросили следующие делать. Там стали требовать от меня сюжет. А это отдельный разговор. Сюжета в жизни не бывает — сюжеты все сочиняются. В жизни бывают только истории — живые, человеческие, сопровождаемые бесчисленным количеством подробностей, уводящих в сторону от сюжета. Значит, нужно либо с ними бороться и выстраивать линейный какой-то сюжет, там, типа дилижанса: какая-то куча народу собирается на телегу, вокруг опасности, а они выясняют между собой отношения. А есть внешние обстоятельства, из которых не вырваться. И люди рационалистически собираются по контракту и там выясняют отношения. В жизни так не бывает. Бесчисленное количество подробностей, которые опускаются как несущественные, а для телевидения это просто хлеб. Это вот та аура, это вот та окрашенность происходящего, вот это бесчисленное количество случайностей, сквозь которое только просвечивает направление и движение какой-то истории житейской. Значит, если с ними не бороться, а, наоборот, озвучивать и расцвечивать, тогда это становится художество. Кое-где удалось сделать даже на уровне «День за днём». Ну а потом начал нарушаться сам принцип, всё начало уходить в песок.

А дальше — «Микрорайон». Там его резали, и крутили, и вертели, и снимали финал. Я им говорю: «Слушайте! Автор же живой!» Ну все ж возбудились — успех! Сразу огромное количество образовалось учителей, специалистов, искусствоведческие статьи писали, и я уже должен был идти не от искусства, а от статьи какой-то искусствоведческой. Резали, крутили, заменяли героев — ну чёрт-те что происходило. Я просто махнул рукой. Вот такая штука. Но единственный раз вот на уровне первых девяти серий мне это удалось сделать — даже с теми актёрами, какие были. Там были четверо настоящих, больших актёров, они смекнули что к чему и просто купались. Мне Грибов говорил, покойник, что он просто купается. Ему ничего ломаться не надо — он просто купается. А потом он начал открещиваться. Когда критика начала меня пощипывать, он

так стал в сторонку отходить. Больше того. Когда был юбилейный показ по телевизору монтажа отрывков из его фильмов, он даже просил не включать «День за днём». Но взвыли все — и включили. И оказалось — невыгодное соседство: оказалось, что он переигрывает в театре. В театре это хорошо: он мне играет — я сижу в 15-м ряду, он должен до меня дойти, там более броские приёмы. А вот на телевидении они смотрелись наигрышем, штампом и так далее. Зато, как появлялся в шлёпанцах этот самый старик, шаркающей походкой, — ну что вы! — все только похохатывали, улыбались и любили его. Так что номер тоже не прошёл вот такой вот. То есть всё подтвердилось. Всё, что я хотел, всё подтвердилось, за тем исключением, что — ну с лучшими актёрами получилось бы больше, с лучшим режиссёром, может быть, тоже лучше и так далее и так далее. Но только вот принцип должен быть такой: надо писать одну часть, чтобы все остальные не знали, про что будет дальше. Тем более, это легко предусмотреть, всё остальное. Скажем, принимающим соответствующим людям не понравятся какие-то ходы — с их точки зрения куда-то не туда увёл, то там уже написано, что я обязан слова поменять, — слова поменяю. Но они даже и этого испугались: что вещь вырывается из-под контроля. Вы понимаете, тогда актёры не успевают распределиться. А это не получилось даже с Эриком Портером, которому есть что распределять. Всё равно — чересчур длинно...

Потом делали попытки открыть, как говорится, тем же ключиком, но другие вещи. Кучи с тех пор были каких-то кукол, бытовых примет, все там перетирают полотенцем тарелки... Но автор-то не любил этих героев, и он им показывал — какого-то положительного героя, а остальные — так чуть похуже. Он — блик, остальные — полутона. Он их учит, он страдательная величина и так далее. Этот номер не пройдёт! Потому что люди все говорят: «Ну а мы что, второй сорт, что ли?» Вот какая штука. Так что это был сделан первый шаг просто, вот и всё.

А «Москва. Чистые пруды» и «Страстной бульвар»?

Так это просто экранизация. Это была такая маленькая повесть в журнале «Студенческий меридиан», и просто её экранизовали. Ну как вышло, так вышло. В отборе актёров участия не принимал. Тащили каких-то своих знакомых, каких-то... Знаете, с этим мне просто было не справиться. Вначале меня просто проглядели, думают — пустячки, поэтому я влиял и на выбор актёров и так далее. Хорошие актёры не лезут сюда. Вот мне предложили на одну какую-то положительную роль Стриженова. Я этого парня любил, но он куда-то исчез. Мне он нравился — выпивали вместе. Но он сюда не лез! Он романтический герой, он в коммунальной квартире не смотрелся. Он условный, он из «Овода», он из другой стилистики. Значит, приходилось искать вот таких вот: кто умел это делать — телевизионные, не умел — не телевизионные. А дальше я и на актёров не смог влиять. И пошло, и пошло, и пошло. «Страстной бульвар», его показывали несколько раз, и так, в общем, песни были довольно приятные, но уже они принципиально телевизионные. Просто кому-то понравился сюжет, какая-то история и так далее. Ну там уже герои были выбраны не по-моему. Ну и кроме того, это просто экранизация. А что касается песен, там у меня, в «Страстном бульваре», одна, по-моему, песня. Но музыку писал не я. Причём больше того — я там даже с композитором не был знаком. Дошло уже и до этого. Раньше я работал с Катаевым — просто у него на шее сидел: «Это не электронная музыка — это совершенно другая, это нужно песни...» Как выражался Грин в «Алых парусах»: «Приведите мне музыкантов, но не тех, которые в звуковой гастрономии забыли о душе музыки. Приведите ко мне музыкантов, которые заставляют плакать сердца простых кухарок». Вот мне такая музыка нужна была. И это было написано в эту сторону. И он дальше добавлял: «Море и любовь не терпят педантов». Кстати сказать, это — романтик, то есть как бы в нашем представлении — человек, ходящий где-то немножко над землёй. А вот сказано: «Матёрый реалистище!» Вы даже не угадаете, кто это сказал: «Матёрый реалистище, причём

сложный по форме» и так далее. Я у него такую фразу прочёл: «Я пишу для тех, кто при чтении шевелит губами». Я буквально повторю мысль Грина, романтика. А это — реалисты. И я снова подсказку делаю. Всё равно не угадаете. Вторая цитата из Хемингуэя. За этим стоит вот что: дело не в том — кухарки не кухарки, буквально «губами шевелит» — не в этом дело. А это писано для тех, для кого искусство — ещё чёрный хлеб. Не пирожное. Для которого искусство всё ещё чёрный хлеб, как бы — насущный хлеб. А для того, кто сидит у телевизора, цыкает зубом — «ничего, тут приёмчик приятный был» — это дело закрытое. Кстати, так же, как и наши песни. Между прочим...

Бывает любовь совершенно без красоты, бывает дремучая, нехорошая любовь. Какая угодно. Это совершенно другое. Красота — это другое ведомство. Не знаю, убедит ли вас этот пример, но просто пояснит, по крайней мере, мою мысль. Вот я был молодой, и у меня возникала такая дилеммочка, как бывает, у каждого, наверное, из пишущих: идти ли на свидание, которое назначено, куда я сам хочу идти, или — вдруг строчка пошла. Я всегда выбирал строчку. Я знаю, что или будет неприятность, или всё развалится к чертям, меня не поймут, почему я не пришёл и так далее, — я всегда выбирал строчку и ничего с собой поделать не мог. Просто понимал, что тут что-то более важное. Что любовь — это одно из проявлений красоты. Не красота одно из проявлений любви, а любовь одно из проявлений красоты. Красота — что-то более широкое. Что это такое — я вам не могу сказать. Красота — это, видимо, всё-таки образ, вот тот самый образ, о котором никто ничего не знает. Это максимум, понимаете. А любовь — это то конкретное, с чем мы сталкиваемся в жизни. И мы чаще всего навешиваем на конкретный случай образ, максимум, который с ним не совпадает. Иначе бы каждая любовь была счастливая. Так ведь не бывает. Я, например, совершенно убеждён, что нет безответной любви. Просто нет её. Тут я выступаю как бы против изящной словесности, которая полна историями и сюжетами, где он её любит, а она его нет, или наоборот. Ничего

подобного! Если она его не любит или он её не любит — это значит, что она любит не того. Она его выдумала. Любовь, она — как магнит. Вот магнит: север, юг — N, S. Разломаете пополам — опять север-юг. Разломаете пополам — опять север-юг. И так магнит до пылинки дроби — он всё равно два полюса. Его можно размагнитить, но разделить вот так, чтоб был только однополюсный магнит, — это ни одному физику не удалось. И, кажется, это невозможно принципиально. Так вот, любовь, она одновременно вспыхивает. Она либо есть, либо нету. И если я тебя люблю, а ты меня не любишь, это значит (раз ты меня не любишь), я не тебя любил, а свою выдумку о тебе. А тут-то реальная ты-то и проявилась. Ну или я — всё равно. И вот люди всё время навешивают образ один на другого. А потом живой человек под этот образ не лезет — он «ширше», как говорится, образа. Это у нас был такой преподаватель: «Пишите ширше!» — он говорил. Имел в виду кисти. Реальный человек шире того представления о нём — образа. Образ — это даже не представление. Или наоборот. Чаще бывает наоборот. Образ прекрасен, а человек занимает в нём только маленькую часть. А вот если присматриваться конкретно к данному человеку, то вот тут бы и могла состояться любовь.

И вот смотрите. Мне один парнишка написал письмо. Чудесный парнишка — по письму. Я не знал, что ему ответить. Ну как ему ответишь! Он написал: «Знаете, Михаил Леонидович, со мной произошла беда: я прочёл «Теорию невероятности» и влюбился в Катарину!» Ну на нормальном каком-то ажиотаже — это понятно: он читает, влюбляется — всё понятно. Не это он пишет. «Я, — говорит, — теперь всю всю жизнь буду искать такую девушку. Никто другой мне не нужен!..» Бедный малый! Сколько же он живых, настоящих любвей своих пропустит, потому что — у одной одна часть выступает, другая... Он будет ходить с метром и прикладывать к женщине. А другой раз и отрезать выступающие части. А иногда это голова... Так вот такая штука. Поэтому, понимаете, красота — это тот манок, который позволяет человеку двигаться в определённом

направлении. Это какой-то ориентир. А когда я пытаюсь своё представление о красоте слепить с реальным человеком, с женщиной какой-то — и что-то не совпадает, я начинаю эту женщину корёжить под какой-то образ — любовь пропадает. Понимаете, какая штука! Это разные ведомства совершенно. Красота шире. Красота шире.

А если встретил, допустим, — тебя любят, а ты — ну не можешь. Что ж, заставлять себя полюбить?..

Нет, это значит, она любит не вас — она вас выдумала. Она вас выдумала. Ей показалось, что вы такой-то, а вы другой. И всё. И разочарование. Вы не можете ответить, а она любит не того. Когда она встретит того, так уж никого спрашивать не будет — она сама знает...

Так это шанс один из миллионов, из миллиардов...

Пожалуйста, могу ответить. Дело не в выборе, а дело в том, как поступать дальше. Мне рассказывал один мужик. Как сейчас, не знаю, на часовых заводах, но раньше было так. Выдавали, скажем, барышне 12 комплектов всего: 12 маленьких стрелок, 12 больших, пружины такие-то и так далее. И вот первая пара часов собиралась без подгонки. Раз — годится, раз — годится, оп! — не лезет — отложила. Первая пара часов собиралась без подгонки, вторая пара — без подгонки, третья, если хорошая фирма, — без подгонки. Если очень хорошая фирма — четвёртая. Но не больше шести. А дальше уже то, что не лезло, начинают чуть править: там поправят, тут поправят, подпилят и так далее. Он сказал: «Покупая часы, посмотри сзади на корпусе — там многозначный номер стоит. Раздели на 12, и если в остатке больше шести — не бери, попроси другие часы». Потому что это значит, их выпускали уже из подогнанных частей, а первые — из неподогнанных деталей...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПО СТРАНИЦАМ «МЕНЕСТРЕЛЯ»

Вероника Долина

Дорогой Михаил Леонидович!

Печальный жанр, запоздалое объяснение...

Когда Вы обнаружились пару лет назад в доме напротив моего — я поразилась, но быстро к этому привыкла.

Возлюбленные книжки моей юности — Ваши книжки.

Книжные мои принцы — Ваши герои.

Ваши герои — негерои. Вот важное, очень важное...

И непоэты Ваши — поэты. И некрасавцы Ваши — красавцы.

Тихими будничными парадоксами полны Ваши страницы и — удивлённостью, удивлённостью...

Испытывать судьбу, испытывать себя, испытывать ближнего.

Вы только что были тут, хотя и здорово больной уже.

Отсутствие пижонства, позы — я успела обрадоваться этому.

Через столько лет после встречи с ТЕМИ вашими книжками — Вы снова поддержали меня и укрепили в одной из самых моих бессовестных догадок: о безупречности всего небезупречного, о безгрешности грешного. Вот до чего я додумалась постепенно и с Вашей помощью.

Дорогой Михаил Леонидович, что ж теперь скажешь. Осталось недоговоренное, и много. Ну, пускай!

...Когда-то я уехала из дому на несколько дней, зимой. Вернулась к туго застеленной кроватке моей крошечной няни. Ушло моё детство — уж так тихо, так незаметно — и я кусала губы, а слёз не было.

И вот приехала из июльской Литвы и узнала: нет Вас. Простите, Михаил Леонидович, что не проводила Вас.

Мой муж перенял у Вас смешную поговорку: «жена тому назад...» Эра любви, что ли?

Проходит наша горькая и сладкая, грязная и чистая жизнь — по всему видать, проходит. Замолвите там за нас словечко!

Всегда любила Вас. Анчаров тому назад...

Вероника

«МЫ — БЕСКРОВНОЙ ВОЙНЫ ЧЕМПИОНЫ»

С Михаилом Анчаровым и его песнями я впервые познакомился в 1963 году, когда во время очередной командировки в Москву через каких-то знакомых случайно попал на одно из частых в те поры песенных сборищ в непривычно просторную квартиру потомков Григория Ивановича Петровского, председателя большевистской фракции Государственной Думы, в печально известный «Дом на набережной», населённый зловещими тенями убивавших и убиенных.

«Ну, где этот ваш мальчик из Ленинграда?» — услышал я голос в передней, и в комнату шагнул плотный, как борец, черноволосый коротко стриженный мужчина с правильными чертами лица и внимательными часто моргающими глазами.

Из всех его песен тогда я знал только ставшую уже народной «От Москвы до Шанси». А в этот вечер впервые услышал и «МАЗы», и «Органист», и «Тихо капает вода — кап, кап», и многое другое. Яростная экспрессия этих песен на фоне мужественного облика их автора, опалённого пороховым дымом великой войны (я думал, что он и моргает часто оттого, что глаза были раньше обожжены), и его рассказов о парашютно-десантных войсках производили сильнейшее впечатление. У Анчарова была удивительно обая-

тельная, уже утраченная ныне «цыганская» темпераментная манера исполнения. В сочетании с сильным низким подлинно мужским голосом она придавала особый колорит его песням. Да и гитара в его руках была старинная, чуть ли не из прошлого века, инкрустированная, как мне тогда показалось, каким-то серебром и перламутром.

Мы подружились, и он дал мне прочесть рукопись только что написанной «Теории невероятности», которую никто тогда не брал печатать. Первые же строки вызвали у меня скептическую улыбку недоумения. Повесть начиналась так: «Недавно я влюбился. Я совсем юный, — мне сорок лет». «Вот старый хрен, — подумал я (мне тогда было неполных тридцать), — он ещё влюбляется! В его-то возрасте! И не стыдно ему об этом писать!» Повесть, однако, захватила меня почти так же, как песни. Была в ней какая-то стихийная сила личности яркой, мятущейся и нестандартной, не вписывающейся в привычный мне стереотипный уклад. Анчаров только начинал тогда писать, считал себя прежде всего художником, жил в писательском доме в Лаврушинском переулке, в квартире своей тогдашней жены Джои Афиногеновой, был, как выяснилось, скор на выпивку и кулак. И писал песни, с которыми довольно часто выступал. Живописные его работы также обнаруживали несомненный талант, но при этом как бы некоторое отсутствие профессионализма. Он был тогда подобен витязю на распутье — короткая оттепель конца пятидесятых опьяняла его, бывшего фронтовика, множеством неожиданно открывшихся ему дорог и возможностей. Чем заняться всерьёз — песнями? живописью? литературой? Всё удавалось ему. В то время он часто выступал, и выступления эти неизменно сопровождались шумным успехом.

Помню, после очередного его концерта в Ленинграде мы проводили его на «Красную стрелу». Концерт кончился рано, было что-то около восьми вечера, и поскольку в провожающей компании было много актёров, решено было зайти в ресторан ВТО — в Дом актёра, располагавшийся почти рядом с

Московским вокзалом на Невском, что внушало уверенность и отъезжающему, и провожатым в невозможности опоздания. Тем больше было наше удивление, когда, прибыв наконец на Московский вокзал (а пеший путь к нему оказался трудным, так как Анчаров, пришедший в состояние полной эйфории, почему-то пытался свою только что купленную в Питере кепку засунуть в каждую из встреченных урн и приходилось её подолгу оттуда извлекать), мы неожиданно установили, что давно ушла не только «Стрела», а вообще все поезда на Москву. Поскольку Михаил упорно настаивал на немедленном отъезде, всей компании пришлось перебираться на Витебский вокзал, откуда около трёх часов ночи отправлялся какой-то пассажирский поезд «Москва — Бутырки», следовавший через Новгород и прибывавший в Москву на Савёловский вокзал где-то к концу суток. Засыпающего на ходу и ставшего сразу грузным и неподъёмным Анчарова с трудом водрузили в общий вагон среди чьих-то бесчисленных мешков и кошёлок, кепку его вручили сидевшей напротив бабке с твёрдым наказом — беречь её до конца пути и вручить хозяину только тогда, когда он полностью протрезвеет, — и полностью вырубившийся за время погрузки бард был отправлен в столицу... Потом он рассказывал, что, проснувшись с больной головой в середине следующего дня где-то в районе Твери, он долго озирался, пытаясь понять, где находится и куда следует. «Где я?» — тоскливо спросил он, — и упомянутая выше бабка охотно откликнулась: «А в поезде, милок! К Твери подъезжаем!» — «А товарищи мои где?» — «Известно где — погрузили тебя и ушли, а чемоданчик твой — вот он. И кепочка твоя цела, так что не сумлевайся». И радостная бабка вручила похмельному пассажиру до неузнаваемости измятую и перепачканную сажей окурков «питерскую» кепку.

В последующие годы Михаилу Анчарову как будто удалось добиться литературного признания. Одна за другой были напечатаны и «Теория невероятности» и другие повести. Он стал известным писателем. Ему заказывали сценарии телефильмов, инсценировки по его произведениям охот-

но ставили московские театры. Песни были заброшены — Анчаров полностью ушёл в прозу и драматургию. И тут судьба сыграла с ним злую шутку. За первым длинным сериалом телефильма «День за днём», куда вошла отчасти и его биография и где органично звучали его песни, последовал следующий бесконечный телесериал, где были уже «труба пониже и дым пожиже». Герои первого сценария отчасти перешли во второй, но если раньше они вызывали полное доверие, то теперь начали вдруг говорить ходульные фразы и в псевдонародном стиле воспевать и романтизировать свой коммунальный рай. Соседи по кухне превратились в воинствующих резонёров, воплотивших в себе высоты общественной нравственности и безапелляционно обучающих смыслу жизни хлипких и ненадёжных интеллигентов. Так безусловный талант художника начала необратимо разъедать вкрадчивая отрава брежневской конъюнктуры. Вспыхнувший на какое-то время интерес к писателю Анчарову пропал, и о нём мало-помалу забыли, хотя он продолжал жить и писать.

Прошли годы. Настала долгожданная пора гласности. И теперь стало ясно, что, может быть, именно песни, написанные Михаилом Анчаровым в пятидесятые и шестидесятые годы, в самом начале его, казалось бы, такой успешной литературной карьеры, воплотили в полной мере творческий и личностный талант художника, ещё независимого в то время от железных тисков худсоветов и издательств. Всё это обеспечивает незаслуженно забытым песням Михаила Анчарова долгое существование, теперь уже без автора. В одной из его старых песен есть такие слова: «Мы бескровной войны чемпионы». Если знаменитый «гамбургский счёт» Виктора Шкловского применить к авторской песне, то можно с уверенностью сказать, что Михаил Анчаров был и остаётся одним из безусловных чемпионов этой бескровной войны за людские души и сердца, войны, которая продолжается.

Александр Городницкий

САМ ПО СЕБЕ АНЧАРОВ

...И всё-таки песня — только средство. А цель? Ясно — стать человеком, то есть хоть в малой мере прозреть Бога. Петь — чтобы стать человеком, петь — чтобы быть человеком, петь — чтобы остаться человеком. Тогда, в пятидесятых, мы вдруг запели все сразу и пели все вместе, теперь-то понятно — чтобы сообща сохранить в неосознанном ещё абсурде живую душу. Но удивительно: в этом спонтанном дружном хоре каждый пел чуть по-своему, пел как умел, но немножко свою песню, теперь-то понятно — чтобы стать самим собой. Человеком, но — не «как все». А как... «я сам».

Анчаров запел первым. О, конечно, — в нашей невероятной бардовской песне многие запели первыми. Жора Лепский первым запел снаряжённую Павлом Коганом «Бригантину». Окуджава первым запел для всех нас свои человеческие стихи. Визбор первым запел ещё не придуманные нами наши песни. Галич первым мужественно запел горькую правду нашей жизни. Высоцкий первым запел настоящий голос народа... И в кругу этих могучих запевал как-то осталось не очень замеченным, не понятым — а что же, собственно, первым запел Анчаров?

О чём — это мы знаем. В его песнях про многое спелось впервые. Про Гошу — райского десантника и про Благушу — романтическую их с Гошей родину (ещё до окуджавских военных мальчиков с Арбата), про нормального нашего психа с балалаечкой (ещё до Галича), про синий апрель (ещё до Визбора), про живое сердце кричащего танка (ещё до Высоцкого), про Циркача, коней и детей (ещё до Кима), про рассеченную по живому Родину — «за кордоном Россия, за кордоном любовь» (ещё до запетого нынче всей страной Звездинского), — да так бесхитростно, с характерными оттяжечками, так азартно или грубовато-юморно, как тогда не пел ещё никто.

Но вот ведь закавыка — Анчаров первым и перестал петь свои песни! Как раз когда запели уж действительно все. Ему, видимо, важна была не сама песня. Он пошёл своей особой дорогой дальше. К себе.

Он рисовал. Для себя (художники-профессионалы вряд ли признают его коллегой). Он писал пьесы и сценарии (считают ли его своим драматурги?). Он публиковал повести (приглашён ли он на писательский Парнас?). Так к чему же стремился, что искал (нашёл?) Анчаров в своём особом духовном странствии? Ну уж, конечно, не «гордое одиночество», не высокомерную обособленность от людей и мира — хоть корень у него и «анчаров» и он воистину один такой, но вовсе не «стоит — один во всей вселенной». Общительный и обаятельный, он был по-настоящему (с одного взгляда это понимал каждый) любимым и любящим мужем и отцом. Но свой не усыпанный розами путь, дорогу свою к Богу он должен был осилить сам, в одиночку. Как его Органист, который один, а не в паре с кем-то и тем более не подыгрывая кому-то — открыл людям Баха.

Мы, увы, только-только начинаем пробуждаться и осознавать истинную ценность и непобедимую силу одного («единица — вздор, единица — ноль», учил Маяковский), постепенно различая фигуры Сахарова, Солженицына, Лидии Чуковской, а теперь вдруг ещё и Святослава Фёдорова, и Вадима Туманова, и Артёма Тарасова. Один — не против всех. А — независимо. Независимо ни от чего. И — побеждает!

Конечно, каждый из наших больших бардов — сам по себе. Но мы ещё поймём и оценим, как и среди них Анчаров первым запел независимость и особость личности, как жизнью воспел духовную свободу своего выбора. Потому что именно за эти чувства, которые в нас самих были забиты, но не отмерли окончательно, мы интуитивно и полюбили песни Анчарова, этим он дорог нам и долго ещё будет нужен людям.

Александр Дулов

ГОРИЗОНТ И ЗЕНИТ МИХАИЛА АНЧАРОВА

«Между нами, друг,
всё стена, стена...»
М.Анчаров

Его смерть, неслышно затерявшаяся в треске нашей перестройки, странно контрастирует не только с громкой известностью его в оттепельные шестидесятые годы, — тихая кончина Анчарова странно контрастирует со всенародно оплаканным уходом других бардов эпохи, словно дождавшихся такого часа, чтобы потеря ударила побольнее. Смерть Визбора трамплином подбросила всеобщий к нему интерес, на волне этого интереса студенческий менестрель, певец горных лыж и синих гор стал (и заслуженно) одним из классиков жанра. Я уже не говорю о Высоцком, которого смерть из полуподпольных певцов перевела в национальные герои (и тоже заслуженно, потому что незаслуженно события такого масштаба не случаются).

В этом соотношении тишина вокруг имени Анчарова и странна, и незаслуженна. Все шестидесятые годы в гонке на магнитофонной дорожке он шёл абсолютно вровень с Галичем, Окуджавой, Городницким, Матвеевой, Якушевой. Без Анчарова этот круг совершенно непредставим; он занимал в нём своё, особое, уникальное место. Перекликаясь, пересекаясь с другими. Но — не совпадая ни с кем: ни в стиле, ни в тематике, ни в манере петь, ни в типе артистического поведения.

Высоцкий иногда пел его песни. Анчаров в автобиографии вспоминает об этом мимоходом, не давая воли эмоциям («это отдельный разговор»). За подчёркнутой сдержанностью можно предположить тень досады. Можно сообразить и причину её. Конечно, Высоцкому незачем было петь чужие песни в качестве своих, и он этого никогда не делал, но то, что широкая

аудитория м о г л а принимать анчаровские песни за песни Высоцкого, — факт более чем вероятный. Точно так же, как эта аудитория приписывала песни Городницкого Визбору, певшему их с несравненным шармом. Никто не находил ничего особенного в таких заменах — в шестидесятые годы барды составляли единый круг, и лишь позднейшая атрибуция потребовала точного авторского размежевания. Досада Анчарова — позднейшая, она относится скорее к ситуации восьмидесятых годов, несколько забывших эти песни, чем конкретно к Высоцкому, с которым Анчаров не раз встречался, когда тот начинал, — в ранние шестидесятые годы.

Встречался и с Визбором. Я был свидетелем одной из таких встреч. В типично московскую квартиру (кажется, это состязание бардов устроил у себя телекомментатор Любовцев) набилось человек тридцать. Домашнее угощение не предусматривалось; каждый принёс то, что счёл нужным. Не лишённый юмора хозяин устроил из принесённого выставку: поставил шеренгой дюжину бутылок коньяка, а на пробку последней водрузил маленький мандаринчик — единственную закуску. Я описываю этот врезавшийся в память натюрморт, потому что он кажется мне характерным для эпохи шестидесятых годов, с её «кухонными сидениями»: это не было пиршество, не потому, что нечего было купить к столу (как раз тогда — было), но собрались не за тем; даже и бутылки, боюсь, были не все выпиты, хотя сидение, начавшееся поздно, было рассчитано на всю ночь. Всю ночь я не выдержал, но первую половину состязания прослушал.

Анчаров и Визбор сидели друг против друга с гитарами в руках. Стол был пуст (даже и магнитофона не припомню), а кругом плотным кольцом сидели, стояли и, по-моему, лежали на полу слушатели. Визбор как младший — начал. Спел три песни и почтительно умолк. Анчаров выдержал маленькую паузу и тоже спел три песни, и тоже замолк, вежливо склонив голову. Меня почему-то тронула именно эта взаимная щепетильность. Песни-то я и так все знал, песни были не внове; интересна была — обстановка. И поведе-

ние — вот это подчёркнутое уступание места. Почти претенциозная учтивость.

А контраст фигур был поразительно ярок. Контраст манеры петь. Контраст всего. Живой, рыжий, светящийся, весь какой-то «пушистый» Визбор и Анчаров — сдержанный, приторможенный, корректный, как бы застёгнутый на все пуговицы. Не помню, как он был одет, но ощущение такое, словно он в протокольном чёрном костюме.

Он был не просто красавец. Он был, если можно так выразиться, концертный красавец: правильные черты лица, гладко зачёсанные блестящие чёрные волосы, спокойная прямая осанка; фрак «просился» к его фигуре, человек с такой внешностью был бы хорош и как дипломат на приёме, и как иллюзионист на арене, и как... резидент в «стане врага».

Может быть, не случайно биографическая «легенда» (сопровождающая всякого стоящего барда) упорно приписывала Анчарову нечто таинственное, секретное. Насколько Визбор был «распахнут», а Высоцкий даже «вывернут» наизнанку (а Окуджава вежливо «приоткрыт») — настолько Анчаров казался «закрытым» наглухо. Легенда шла за каждым из них, иногда считаясь, а иногда и не считаясь с фактами; то, что Окуджава был «грустный солдат», как-то ещё вязалось с его судьбой, но солдатом-фронтовиком слыл никогда не воевавший Визбор (впрочем, ещё больше он слыл спортсменом, лихим горнорлыжником, что было ближе к истине). Высоцкий тоже казался спортсменом (альпинистом), что ещё могло иметь реальную основу, но то, что он был в сознании народа — зеком, лагерником, — это уже чистый образ.

Так образ в данном случае больше говорил, чем эмпирика!

Биография Анчарова малоизвестна. В его изложении это практически «библиография»: пел то-то, писал то-то. Песни, рассказы, романы. А до того что было? «Прежде чем избрать своим делом литературу, я перепробовал множество

разных занятий. Я был бардом, художником, сценаристом и даже писал либретто для опер...» Естественно, что к списку этих чисто артистических дел молва должна была добавлять нечто более ощутимое. И она добавляла — «подвиги разведчика».

С обликом Анчарова эта легенда удивительно совпадала, потому и держалась. Корректность и сдержанность отличали у него не просто манеру поведения, но весь артистический облик — то, что составляет у поэта «ауру души». Это был образ человека потаённого, безукоризненного и как бы несколько «нездешнего». Пришелец. Что-то странное было не только в его песнях, но в самой манере петь.

Слова ложились чётко, жёстко, как врезанные. Артикуляция отдавала правильностью, таящей скорее строгую школу, чем естественное дыхание. Резкость голосового рисунка (всё время около речитатива) странно контрастировала с элементами цыганского распева, время от времени выплывавшими из строя речи сентиментальными вздохами, вернее, сентиментальными цитатами. В принципе-то это был ритм символов, не ритм вздохов! Ничего общего ни с задушевностью Визбора, ни со взрывным, «неуправляемым» темпераментом Высоцкого, ни с ликующей иронией Кима, ни с гармоническим ритмом Окуджавы — именно ритмом вздохов. Анчаров, казалось, пел в панцире. Что-то металлическое отдавалось в его голосе. Много лет спустя у Виктора Цоя откликнулся этот звук: голос отпавшего, не желающего сливаться, идущего «отдельно» сознания.

Предвещено — у Анчарова. «Мужики, ищите Аэлиту!» Что-то марсианское, звёздное, сдвинутое. Притягательность сомнамбулического «прохожего», идущего сквозь нашу жизнь неведомым путём. Из загадочной тени в загадочную тень. Из тумана в туман. «Звук шагов, шагов, да белый туман...»

Не «б*е*лый» — «бел*ы*й»... Даже странное ударение кажется у Анчарова необходимым. Сдвинут язык. Может сказать: «Мы в пахаре чтим целину, в воине — страх врагам», — и

лучше не вкапываться в логику фразы, ибо смысл — в содвижении символов. И цыгана (вернее, «ц*ы*гана») с городской окраины зовут у Анчарова женским именем «Маша», и это тоже в стиле: мир увиден со странной точки, потаённо очарованным сознанием.

И — увиден. Описан. Предстаёт в реальных очертаниях, в деталях, в драматичных человеческих судьбах. В истории того же «ц*ы*гана», подломившего ларёк в голодную военную пору. В истории безногого инвалида, одиноко стучащего костылями по обледенелым московским улицам сорок шестого года. В истории крутого шоферюги, таранящего трёхосным МАЗом непролазные наши дороги. Послевоенная Россия во всей её скудости, щедрости, злобе, великодушии, дури, доверчивости встаёт из песен Анчарова. И здесь он неспроста перекликается с поэтами своего круга. С Галичем, Высоцким. И жанр тут общий; уже и Визбора под конец всё больше привлекала эта форма — подробный «балладный» рассказ, исчерпывающий и эпизод, и судьбу человека. Не лирический «мазок» — прямая захлёстывающая исповедь.

Горизонт Анчарова, очерчивающий реальную землю, замкнут судьбами как бы противоположного плана. Как бы «людьми неба». Тут реальность — там «иллюзион». Тут ледяной ветер городской окраины, там — прозрачные эмпиреи и «воздух искусства». Тут шоферюга да инвалид, там — органист на концерте, циркач на арене и наконец, главный любимец шестидесятых — король интеллектуалов: физик.

Эти романтические герои всегда круто осажены у Анчарова в грубую реальность. Органист — унижен, прикрыт тенью эстрадной певицы, (она — окружена поклонением, Алла Соленкова, героиня 1960 года — не предтеча ли другой Аллы — Пугачёвой?). Циркач едет по кругу, качаются плюмажи, сверкает позолота, но оттенок тщеты неустраним из картины праздника: «губы девочка мажет в первом ряду» — не знает, как эти кони ходили в атаку. Анчаров видит мир всегда с высшей точки («от Аэлиты») и одновременно видит — тщету, пошлость,

обречённость этой высоты. Он жёстче Галича, язвительней Высоцкого, резче Визбора. Сравнить фигуры шоферов: у Визбора — романтический путник, у Анчарова — прошедший огни, воды и медные трубы работяга — четвёртый год без отпуска. Сравнить того же «физика» — у Галича, когда тот устами истопника рассказывает, как «гады-физики на пари раскрутили шарик наоборот», и у Анчарова, когда тот устами «шлюхи» рассказывает: «Он работал в секретном ящике, развивал науку страны, только сам он был весь лядащенький, всё потел, пока снял штаны...» И эта резкость штриха, грубость рисунка, этот непременный чёрный подбой у сверкающе белых видений — всё это составляет неповторимую окраску анчаровской лирики, и каким-то образом сопрягается со странностью его пения, и открывает глубинную тему его творчества.

Ключ указан самим Анчаровым: Александр Грин. Алые паруса посреди серой окраинной Благуши. Уплыть, уйти! «От Зурбагана мы дойдём до Кента, и в мире нет нигде преграды нам! Недаром Грином сложена легенда о Фрези Грант, бегущей по волнам». Благуша была холодная и тёмная, «текстильная, воровская, пацанская». А Грин был — тёплый, южный. Анчаров слушал, как воют в подворотнях благушинские собаки, и писал музыку на гриновские стихи о ветрах и кораблях. Про это рассказали вдове Грина — в предвоенные годы она ещё жила где-то в таганских переулках. Анчарова повезли. Вместе с гитарой. Старушка заплакала, когда двенадцатилетний пацан спел ей: «Южный Крест нам сияет вдали». Он вернулся в Благушу, потрясённый её слезами.

Южный Крест сияет в стихах и песнях Анчарова. Всю жизнь. Романтический Грин зеленеет, синеет, сверкает. Романтический мир — отсветами, отблесками, отзвуками. Залпами цветов, криками лебедей, морозной пылью троек, летящих к звёздам, серебристым смехом, сверканием сабель, салютами, взлетающими над раскалёнными руинами, над пеной морей, над дорогами, по которым бродят поэты и безбожники, мушкетёры и сорванцы. Романтический узор,

светящийся в стихах Анчарова, иногда придаёт им экзотичность, что-то пряное и непременно нездешнее. Золотится, серебрится, зеленеет, синеет, рыжеет, сверкает и слепит всеми цветами радуги... Кроме **алого**. Этот цвет, самый «гриновский», самый точный, — неспроста укрыт у Анчарова. Может быть, из щепетильности — не цитировать учителя в лоб. Но скорее из подсознательного (или сознательного) ощущения, что истина впрямую не видна. Главный цвет спрятан, преломлен, раздроблен — в золотистых, серебристых, пёстрых оттенках-осколках; он искажён, обречён, он в этом мире сломлен.

Здесь, я думаю, главный секрет анчаровского мироощущения, романтическая мечта у него **изначально** обречена. Собственно, пишет-то Анчаров не романтическую картину мира, а картину **гибели** романтического мира. Рассыпается конная лава, раскрываются цветки парашютов, уходят на луну корабли, и гибнут кони, череп пробит, парашют пробит, и марсианка знает: «Сыну Неба два крыла запутали в дерьме». Анчаров — поэт гаснущих звёзд. У него «небо в землю упало». Поэт света, одолеваемого тьмой. Поэт свето-темени. «От слепящего света стало в мире темно». Можете истолковывать в каком угодно контексте — по нынешним временам всё можно. У Анчарова всё пережито в конкретности. Мечтает мальчик в беспросветной Благуше, а мечтателя «крестят» поленом по спине, и вырезанных им сказочных коней кидают в огонь. Вырастает мальчик — под воинские марши: граница на замке, атака самураев отбита, сопка за спиной, грохот рыжего огня, топот чалого коня, — а остаётся от всей героической эпопеи — бормотание психа, которого везут на Канатчикову Дачу, а он всё не отдаёт санитарам свою пограничную фуражку...

Предвоенные зарницы полыхают в стихах безумными отсветами. Анчаров — из того поколения «меченых», которому судьба начертала умереть за мировую Революцию. Огнём — обошла война Анчарова, не прибила его лирику к земле, не пригнула к окопу, как лирику Слуцкого, Межиро-

ва, Самойлова, она не сделала из него грустного солдата, как из героя Окуджавы. Тут вариант, близкий скорее к коржавинскому (или к судьбе Юрия Трифонова): человек воюющего поколения стечением обстоятельств сдвинут к следующему поколению: к невоюющим. К непобеждённым мечтателям. Мечту он продолжает носить в сердце, и оно обугливается.

Мирная литературная судьба у Анчарова прикрыла эти горящие угли. Он стал профессиональным писателем, выпустил несколько книг прозы. Мне приходилось писать о них, «но это другой разговор». Могу только сказать, что благополучие его писательской судьбы проблематично. Хотя успех был. Было даже такое, что по анчаровскому сценарию поставили телепередачу, и она понравилась Л.И.Брежневу. Это очень острый момент в писательской судьбе, и не вдруг поймёшь, счастливый ли. «Поэт в России больше, чем поэт», — одному приходится оправдываться, как это он шёл против власти, другому — как это он власти понравился.

Мне доводилось изредка встречать Михаила Леонидовича и в последние годы его жизни. Мягкий джемпер, мягкая улыбка. Он не участвовал ни в «акциях протеста», ни в прочих громких делах проклятого Застоя и пьянящей Гласности. Наверное, это был самый тихий, самый скромный из «бардов» великой эпохи. Вокруг — ослепительный бунт Высоцкого, всесветное изгнание Галича, жалящий смех Кима, укрытого псевдонимом от ответных ударов власти, язвительная вежливость Окуджавы, неуязвимого в своей всегдашней тончайшей оппозиционности. Бунт полыхал всё ярче. Шла новая эпоха — рок, тяжёлый рок, роковой для ценностей прежней эпохи. Тихий Анчаров, человек в мягком джемпере, казалось, оставался там, в прошлом, в шестидесятых романтических годах.

К сведению будущих историков песни. Анчаров действительно написал в шестидесятые годы несколько текстов, ставших «классикой». «Зерцало вод», «Село Миксуницу»,

«Тополиная метель», «МАЗ», «Аэлита»... Но «Богомазы» написаны ещё в пятидесятые. «Девушка, эй, постой!», «Песня о психе», «Кап-кап» — это всё 1957 год. А «Русалочка», «Царевны», «В германской дальней стороне», а пленительное «Солнечным утром в тени» — это сороковые, это большею частью 1943 год! Пелось же — два, три десятка лет спустя — как только что рождённое. Будет ли петься дальше? Что? Кем? Кто знает, что останется истории, а что будущим поколениям? Что будут изучать, а что — петь?

Может, вот это, тихое, горькое, глубоко созвучное мне у Анчарова, самое любимое его:

Звук шагов, шагов
Да бел*ы*й туман...
На работу люди
Спешат, спешат.
Общий звук шагов —
Будто общий шаг,
Будто лодка проходит
По камышам.

В тех шагах, шагах —
И твои шаги,
В тех шагах, шагах —
И моя печаль.
Между нами, друг,
Всё стена, стена,
Да не та стена,
Что из кирпича.

Ты уходишь, друг,
от меня, меня...
Отзвенела вдруг
Память о ночах.
Где-то в тех ночах
Соловьи звенят,
Где-то в тех ночах
Ручеёк зачах.

И не видно лиц —
Всё шаги одни.
Всё шаги, шаги,
Всё обман, обман.
Не моря легли,
А слепые дни,
Не бел*ы* снег*и*,
А седой туман.

Не видно лиц. Отсветы. Не слышно слов. Отзвуки. Отсветы зарев, отзвуки битв. Седой туман. Грусть пронзительная.

Здесь — зенит Михаила Анчарова. Точка схождения его горизонтов. Небо, павшее в землю. Свет, ослепивший до тьмы.

Лев Аннинский

«Менестрель», спецвыпуск, июль–октябрь 1990 г.

КАТАЛОГ ПЕСЕН И СТИХОВ МИХАИЛА АНЧАРОВА

Условные обозначения:
Н — авторское название;
В — вариант первой строки;
К — комментарий.

	«Ах, Маша, цыган Маша...»	1959
Н	Цыган Маша	

	«Ах, тополиная метель...»	1962
Н	Про цыгана-конокрада	

	«Балалаечку свою...»	1955,1957
Н	Песенка о психе из больницы имени Ганнушкина, который не отдавал санитарам свою пограничную фуражку	
Н	Песенка про психа из больницы имени Ганнушкина, который не отдавал санитарам свою пограничную фуражку	
К	Вошла в роман «Записки странствующего энтузиаста»	

	«Батальоны все спят, сено хрупают кони...»	1966
К	Впоследствии стихи вошли в песню «Слово «товарищ»»	

	«Беспокойно о берег кремнистый...»	до 1941
Н	Потёмкинская	
К	По мотивам стихов А.Суркова	

	«Будешь первой на свете женщиной...»	1962
Н	Одуванчики	

	«Буфер бьётся пятаком зелёным...»	1942
Н	В поездном карауле	
Н	Московская любовная песня	
Н	Прощание с Москвой	
К	Вошла в повесть «Этот синий апрель...»	

К С музыкой И.Катаева вошла в спектакль
«День за днём»

«Были грозные годы, упрямые годы...» <1978-1979>
Н Были грозные годы
К Песня из к/ф «Предвещаем победу».
Музыка В.Храпачёва

«Быстро-быстро донельзя...» 1942
Н Прощальная дальневосточная
К Вошла в пьесу «Океан» А.Штейна
По мотивам стихов Веры Инбер

«В германской дальней стороне...» 1946
Н Баллада о мечтах
Н О мечтах
К С купюрами (в I и II строфах) включена
в повесть «Золотой дождь»
С музыкой И.Катаева вошла в телеспектакль
«День за днём»

«В глухих углах морских таверн...» 1942
Н О Грине
К Слова Владимира Смиренского

«В небе змеи плывут, как косы...» 1966
Н Баллада о XX веке

«В Нижнем Новгороде с откоса...» 1938-40
Н В Нижнем Новгороде
К Слова Б.Корнилова

«В тёмном переулке, в городе знакомом...» 1942
Н Письмо
К Стихи Владимира Туркина

«В тридцать лет мы теряем скорость...» 1963
Н Песня про хоккеистов

«Весною каждый роится улей...» 1962
Н Салют, ребята!

«Ветер заметает снежные дороги...» 1942
К Стихи В.Урина

«Вечер. На скверах вечер...» 1961
Н Мещанский вальс
К Включена в повесть «Сода-солнце»

«Вот проходит старик...» 1976
Н Ветераны
К Из цикла «Комсомольцы». Музыка И.Катаева

«Впереди колонн я летел в боях...» 1965
Н Баллада о танке Т-34, который
стоит в чужом городе
на высоком красивом постаменте
Н Песня про танк Т-34, который
стоит в чужом городе
на высоком красивом постаменте
К Вошла в повесть «Этот синий апрель...»
(кроме V строфы)

«Всё забуду. Всех покину...» 1939
Н Цыганский романс
К Стихи Веры Инбер

«Всё про Золушек и принцев...» 1980
Н Манюня

«Всё ярче цветут над землёй небеса...» <1951>
К «Гимн» живописного факультета
Суриковского училища

«Выхожу на арапа — канает буржуй...» <1951>
Н Вор
К Стихи Ильи Сельвинского

«Говорил мне отец: «Ты найди себе слово...» 1972
К Музыка И.Катаева

«Горячее сердце – великий магнит...» 1976
Н Рабочие люди
К Из цикла «Комсомольцы». Музыка И.Катаева

«Губы девочка мажет...» 1959
Н Песня о циркаче, который едет
по кругу на белой лошади,
и вообще он недавно женился
Н Песня про циркача, который едет
по кругу на белой лошади,
и вообще он недавно женился
К С музыкой И.Катаева вошла в
телеспектакль «День за днём»

«Два баккарди, четыре с содой...» 1962
Н Про негра
Н Чёрные стебли

«Две гитары за стеной...»
К Слова Аполлона Григорьева

«Девушка! Эй, постой!..» 1955,1957
Н Песенка о низкорослом человеке,
который остановил ночью
девушку у метро «Электрозаводская»
Н Песня о низкорослом человеке,
который остановил ночью
девушку у метро «Электрозаводская»
Н Песня про низкорослого человека,
который остановил ночью
девушку возле метро «Электрозаводская»
К Исполнялась в спектакле «Павшие и живые»
Театра на Таганке

«Детский плыл кораблик...» <1975>

«Заря упала и растаяла...» 1976
Н Многоэтажная окраина
К Музыка М.Минкова

«Звук шагов, шагов, да белый туман...» 1964
В «Всё шаги, шаги, да белый туман...»
Н Белый туман
К С музыкой И.Катаева вошла в телеспектакль «День за днём»

«И поднимет весна марсианскую лапу...» 1966
Н Апрельская песня
К Фрагмент «Большой апрельской баллады» («Пустыри на рассвете...»)
Из повести «Этот синий апрель...»

«Как по всей земле петухи поют...» 1976
Н Здравствуй, земля!
К Из цикла «Комсомольцы». Музыка И.Катаева

«Лет до ста можно запросто...» 1942-43
К «Гимн» второго факультета ВИИЯКА

«Лечу по серому шоссе...» 1966
Н Король велосипеда
К Предназначалась для повести «Этот синий апрель...». Не вошла

«Мальчик лезет на забор...» 60-е
Н Дурацкая лирическая

«Месяц потерял свой блеск в тумане...» до 1941
К Стихи Веры Инбер

«Мне в бокал подливали вино...» 1964
Н Баллада о красоте
Н Песня про красоту
Н Про красоту
К Вошла в повесть «Этот синий апрель...»

«Мне приснились сырые проталинки...» 1972
К Музыка И.Катаева

«Мне роза не светит, а ширма пустая...»
К Автор неизвестен

«Мне сказала вчера русалочка...» 1944
Н Русалочка

«Мужики, ищите Аэлиту!..» январь 1964
Н Аэлита
К Из повести «Сода-солнце»
С изменениями (в III и IV строфах)
включена в повесть
«Голубая жилка Афродиты»
С музыкой И.Катаева вошла
в телеспектакль «День за днём»

«Мы дети эпохи, атомная копоть...» 1966
Н Песня про радость
Н Про радость
К Частично вошла в повесть «Этот синий апрель...»

«Мы урки-турки-турки с кичмана...»
К Автор неизвестен

«На лице моём чёрная маска...» <1942>
Н Песня о разведке
К Автор неизвестен

«На самоохрану двух деревень...» 1945-1946
Н Баллада о патруле городка Нинань

«Над нами реют алые знамёна...» 1976
Н Комсомольцы
К Из цикла «Комсомольцы». Музыка И.Катаева

«Нам жить под крышею нет охоты...» 1964
Н Глоток воды

	«Не сходим на вокзалах мы...»	1945-1946

	«Не то весна, не то слепая осень...»	1961
Н	Баллада об относительности возраста	
Н	Об относительности возраста	
Н	Про относительность возраста	
К	С купюрами (в IV-VI строфах) включена в повесть «Золотой дождь» С музыкой И.Катаева вошла в телеспектакль «День за днём»	

	«Не шуми, океан, не пугай...»	1937
Н	Не шуми, океан, не пугай!	
К	По мотивам стихов из рассказов А.Грина	

	«Неподалёку от могил...»	1963
Н	Зерцало вод	

	«Нет причин для тоски на свете...»	1960-1962
Н	МАЗ	

	«Ночь идёт, ребята...»	1941-1943
Н	Комсомольская краснофлотская	
К	Стихи Бориса Корнилова	

	«Однажды я пел на высокой эстраде...»	1966
В	«Однажды я пел на большой эстраде...»	
Н	Антимещанская песня	
Н	Антимещанская	

	«Он был боксёром и певцом...»	1941
Н	Песенка о моём друге-художнике	
К	Посвящается Юрию Ракино	

	«Она была во всём права...»	1964
Н	Цыганочка	
К	С музыкой И.Катаева вошла в телеспектакль «День за днём»	

«Ох, дым папирос! Ох, дым папирос!..» 1959
Н Об Истине
Н Песня об Истине
К Включена в пьесу под названием «Песня о Благуше»
С музыкой А.Эшпая вошла
в спектакль «Теория невероятности»

«Парашюты рванулись и приняли вес...» 1964
В «Парашюты рванули и приняли вес...»
Н Баллада о парашютах
К Включена в повесть «Золотой дождь»
и сп. «Теория невероятности»

«Парень ужинает — пора...» <1961-1964>
Н Час потехи
Н Чёт и нечет

«Паровозы гудят на далёких путях...» 1944
К Стихи Владимира Туркина

«Пляшет девочка на рынке...» 1961-1962
Н Рынок

«Покатилися дни золотые...»
Автор неизвестен

«Пустыри на рассвете...» 1966
Н Большая апрельская баллада
К Частично вошла в повесть
«Этот синий апрель...»
и пьесу «Теория невероятности»

«Пыхом клубит пар пароход-малец...» 1942
Н Пыхом клубит пар пароход-малец

«Раз жила-была мамаша...»
Н Мамаша-кот
К Автор неизвестен

	«Рост у меня не больше валенка...»	1959-1962
Н	Песня про органиста, который в концерте Аллы Соленковой заполнял паузы, пока певица отдыхала	
Н	Песня про органиста, который в концерте известной певицы заполнял паузы, пока певица отдыхала	
К	Из повести «Сода-солнце»	
	«Рыжим морем на зелёных скамьях...»	<1942-1943>
К	Стихи написаны в соавторстве с Владимиром Туркиным	
	«С улицы фонарь светит в окно...»	<1960-1962>
Н	Весенняя ночка	
	«Село Миксуницу...»	1964
Н	Село Миксуницу. Песенка странника. Дойна	
	«Скребут моторы тишину...»	1964
Н	Воскресная застольная	
Н	Воскресный вальс	
	«Слава богу, погода мглистая...»	<1962-1964>
Н	Любовницы	
	«Смешной трамвай — всего один вагон...»	<1945-1946>
Н	Трамвай-одиночка	
К	Стихи Л.Старостова	
	«Снега, снега... Но опускается...»	начало 60-х
Н	Про поэзию (Гусарский вариант)	
	«Солнечным утром в тени...»	1944
К	Автор стихов неизвестен	

	«Стою на полустаночке...»	1972
К	Музыка М.Катаева	
	«Строевая сосна корабельная...»	1972
Н	Ты прости меня, дерево	
К	Музыка И.Катаева	
	«Там в болотах кричат царевны...»	1943
Н	Куранты	
	«Тихо капает вода — кап-кап...»	1955,1957
Н	Кап-кап	
К	Включена в пьесу и в спектакль «Теория невероятности» С музыкой И.Катаева вошла в телеспектакль «День за днём»	
	«Ты послушай, братишка, легенду одну...»	1979
Н	Песня Жигулина	
К	Из телеспектакля «Москва. Чистые пруды». Музыка С.Томина	
	«Ты припомни, Россия, как всё это было...»	1971
Н	Песня о России	
К	С музыкой И.Катаева вошла в телеспектакль «День за днём»	
	«Тяжело ли, строго ли...»	1943-1944
К	Стихи написаны в совторстве с Владимиром Туркиным, музыка совместно с Владленом Фёдоровым	
	«Хорошо с горы идти...» Автор неизвестен	
	«Что пережил он, то не сможет даже...»	1946
Н	Вторая песня о моём друге-художнике	

«Это было под городом Римом...»

К Стихи Глеба Горбовского, музыка — неизв.

«Я мальчишкою был богомазом...» 1958

Н Песенка про деда-игрушечника

Н Песенка про деда-игрушечника с Благуши

Н Песня про деда-игрушечника

Н Песня про деда-игрушечника на Благуше

«Я ночью шла по улице....» 1971

К Музыка И.Катаева

«Я сижу, боюсь пошевелиться...»

«Я сказал одному прохожему...» <1959-1960>

Н Сорок первый

Составитель выражает признательность Виктору Юровскому за помощь в работе, а также творческому объединению «Ракурс» за техническое содействие.

СОДЕРЖАНИЕ

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «ВАГАНТ-МОСКВА» Выпуски 199-204

АНЧАРОВ
Михаил Леонидович

“НИ О ЧЁМ СУДЬБУ НЕ МОЛЮ...”

Стихи и песни

Составитель Александр Петраков
Художник Анатолий Подивилов

Фото из архива Ирины Анчаровой

Главный редактор С.Зайцев
Ответственный секретарь А.Иванов
Заведующая редакцией Т.Зайцева
Корректор В.Северьянова

Учредитель издания - Книжный магазин «Москва»
103009, Москва, Тверская улица, 8

Регистрационный № 015417
в Госкомпечати РФ

Подписано в печать 14.09.98

Отпечатано в типографии ТОО «РОСТ-Т» Тираж 1000

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ «ВАГАНТ-МОСКВА»

Формат 19,5 х 13,5
Объём 100 с.
Обложка
Выходит 1 раз в квартал
Стоимость номера по подписке - 12 руб.
В наличии имеются журналы:
№ 7-9,96 №10-12,96
№ 1-3,97 № 4-6,97
№ 7-9,97 № 10-12,97
№ 1-3,98 - Юбилейный (60-летие В.Высоцкого и 100-й номер журнала!)
№ 4-6,98

ЧТО НЕОБХОДИМО СДЕЛАТЬ, ЧТОБЫ СТАТЬ НАШИМ ПОСТОЯННЫМ ПОДПИСЧИКОМ:

1. На почтовой открытке разборчиво написать свой индекс и домашний адрес, а также полностью указать ФАМИЛИЮ, ИМЯ, ОТЧЕСТВО и отправить по адресу: 103009, Москва, Тверская, 8, Книжный магазин «Москва», Издательство «Вагант-Москва».

2. На открытке укажите, какие номера журнала «Вагант-Москва» Вы хотели бы получить.

3. Деньги за номера журнала перечисляйте по адресу: 117049, Москва, ул.Шаболовка, 21, Зайцевой Татьяне Васильевне.

ВЫПУСКИ БИБЛИОТЕКИ ЖУРНАЛА «ВАГАНТ-МОСКВА», КОТОРЫЕ МОЖНО ЗАКАЗАТЬ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ

Серия «АРТИСТЫ ПИШУТ...»

Леонид Филатов «Оранжевый кот» Стихи, песни, переводы, пародии, пьеса, сказка. 312 с. Обложка

Леонид Филатов «Про Федота-стрельца, удалого молодца». Сказка для театра. Издание 2-е. 68 с. Обложка

Леонид Филатов Сказки. 160 с. Обложка

Геннадий Юхтин «Вокруг да около кино...» (Забавный киноскоп). 128 с. Обложка

Игорь Кашинцев «Жёлтый агат». Стихи, фрагменты кинобиографии. 64 с. Обложка

Наталья Варлей «Кружась над золотыми куполами...» Стихи и песни. Издание 2-е. 100 с. Обложка

Евгений Весник «Врать не буду». Книга первая. 256 с. Обложка

Евгений Весник «Куда ни глянь - смешно» (Из записных книжиц автора). Книга вторая. 252 с. Обложка

Евгений Весник «Смешно - куда ни глянь» (Из записных книжиц автора). Книга третья. 260 с. Обложка

Георгий Жжёнов «Саночки». Рассказы и повесть. 204 с. Обложка

Борис Галкин «Мужской талисман». Стихи, песни, рассказ. 196 с. Обложка

Евгений Стеблов «Не я». Повести, рассказы, творческие портреты. 192 с. Обложка

Олег Даль Письма. Дневники. Стихи. 132 с. Обложка

Галина Коновалова «Это было недавно, это было давно...» (Довоенная история Театра имени Е.Вахтангова). 152 с. Обложка

Серия «ДЛЯ СЦЕНЫ И ЭКРАНА...»

Юрий Ряшенцев «Слава Богу, у друзей есть шпаги...» Песни к фильмам «Три мушкетёра», «Гардемарины» и другим, к спектаклям и мюзиклам. 256 с. Обложка

Евгений Агранович «Я в весеннем лесу пил берёзовый сок...» Стихи и проза. 312 с. Обложка

Серия «ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ И ВСЁ О НЁМ»

Любовь Осипова «Маршрут № В» («По Москве Высоцкого и его литературных героев»). Издание 2-е. 80 с. Обложка

Анатолий Кулагин Поэзия В.Высоцкого (Творческая эволюция). 200 с. Обложка

«Светлой памяти Владимира Высоцкого». Посвящения 268 с. Обложка

Серия «АВТОРСКАЯ ПЕСНЯ»

Владимир Туриянский «Моим друзьям...» Стихи, песни с нотной записью. 224 с. Обложка

Александр Суханов «Музыкальный полёт». Песни с нотной записью. 256 с. Обложка

Александр Суханов «День из апреля кружит меня...» Песни с нотной записью. Издание 2-е. 84 с. Обложка

Ада Якушева «Если б ты знал...» Издание 2-е. 164 с. Обложка

Татьяна Визбор «Здравствуй, здравствуй, я вернулся!..» Издание 2-е. 100 с. Обложка

Юлий Ким Собранье пёстрых глав. Книга первая. Рассказы. Очерки. Стихи. Песни. 298 с. Обложка

Юлий Ким Собранье пёстрых глав. Книга вторая. Драматургия. 298 с. Обложка

Новелла Матвеева «Пастушеский дневник». Стихи и песни. 280 с. Обложка

Александр Городницкий «За временем вдогонку». Книга первая. Стихи. 320 с. Обложка

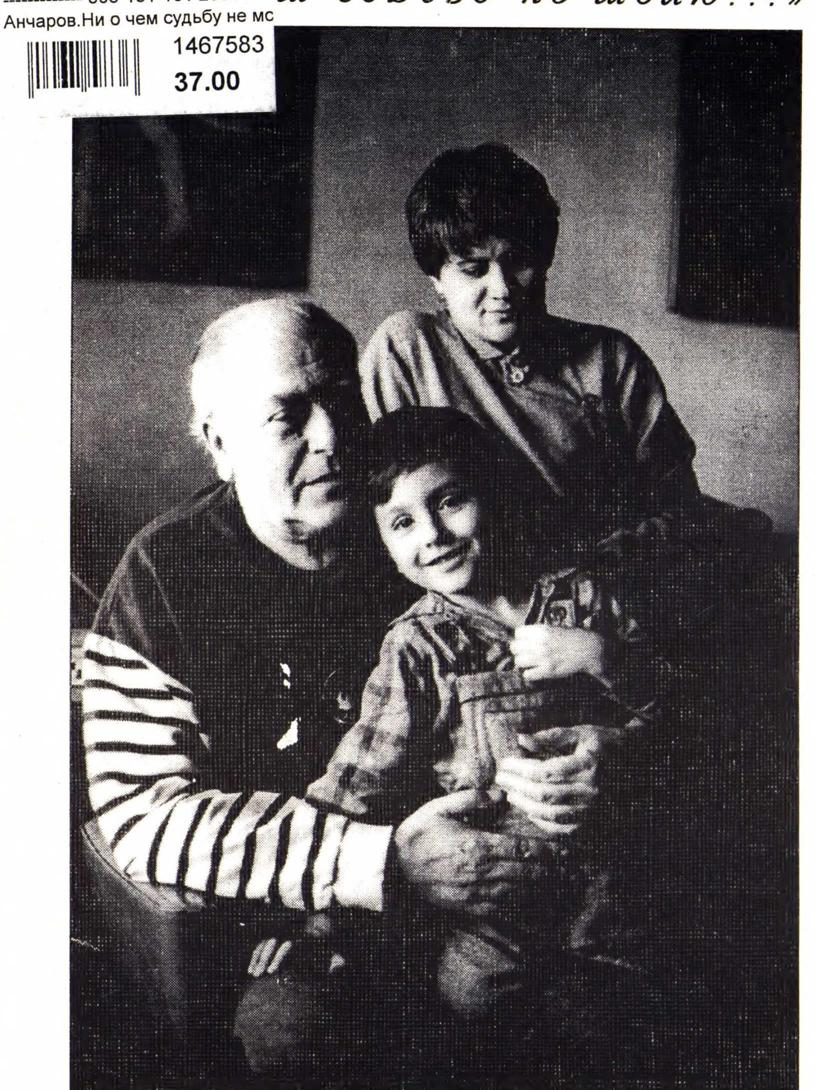
ЧТО НЕОБХОДИМО СДЕЛАТЬ, ЧТОБЫ СТАТЬ НАШИМ ПОСТОЯННЫМ ПОДПИСЧИКОМ:

1. На почтовой открытке разборчиво написать свой индекс и домашний адрес, а также полностью указать ФАМИЛИЮ, ИМЯ, ОТЧЕСТВО и отправить по адресу: 103009, Москва, Тверская, 8, Книжный магазин «Москва», Издательство «Вагант-Москва».

2. На открытке укажите, какие выпуски Библиотеки журнала «Вагант-Москва» Вы хотели бы получить.

3. Деньги за номера журнала перечисляйте по адресу: 117049, Москва, ул.Шаболовка, 21, Зайцевой Татьяне Васильевне.

...м судьбу не молю...»

Михаил АНЧАРОВ

БИБЛИОТЕКА
ВАГАНТ
МОСКВА

Михаил АНЧАРОВ «НИ О ЧЁМ СУДЬБУ НЕ МОЛЮ...»